

A movie poster featuring a man and a woman in 17th-century attire. The woman is seated at a desk, writing with a quill, while the man stands behind her, leaning over her shoulder. They are in a stone-walled room with a large window showing a full moon. The title 'ЖЕНА-БЕГЛЯНКА' is in large white letters, and the subtitle 'Ребенок для похищанки.' is in a gold script font. The director's name 'КОНСТАНТИН ФРЕС' is at the top.

КОНСТАНТИН ФРЕС

ЖЕНА-БЕГЛЯНКА
*Ребенок для
похищанки.*

Константин Фрес

**Жена-беглянка.
Ребенок для попаданки**

«Литнет»

2025

Фрес К.

Жена-беглянка. Ребенок для пощаданки / К. Фрес — «Литнет», 2025

КНИГУ В БУМАГЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НА ОЗОНЕ И НА ВАЙЛБЕРРИЗЕ! Я мечтала стать матерью, но моей мечте не суждено было сбыться. Вместо счастливого материнства я получила диагноз «бесплодие» и предательства мужа. Он убил меня, выкинув из окна. Но судьба дала мне второй шанс. Я попала в другой мир, в тело юной аристократки. И она — о, счастье! — ждет ребенка. Но ее муж, красавец-герцог, та еще сволочь. Свою юную жену он не любит, и я рискую потерять такого желанного ребенка. Но этому не бывать! Я сделаю все, чтобы выжить в этом мире и стать мамой!

© Фрес К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	47
Глава 15	50
Глава 16	53
Глава 17	58
Глава 18	60
Глава 19	63
Глава 20	68
Глава 21	71
Глава 22	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

Стараюсь не рыдать, а слезы сами льются по щекам.
Третье ЭКО.
Третий шанс.
Четыре недели абсолютного счастья, ликования и радостного ожидания.
И подлый, болезненный удар под дых.
Ломающая, крутящая боль, похожая на выматывающую борьбу.
А затем привычная черная пустота.
Стасу я не сказала правды.
Ни о льющейся ручьем крови, ни о чудовищной боли.
Вызвала «скорую» сама.
Сказала — врач велел беречься и приехать на «скорой» для очередного обследования.
Такая наивная ложь...
Стас промолчал.
Сделал вид, что поверил, или ему было все равно.
У меня не было сил выяснять правду.
Меня рвало на кусочки, но я еще надеялась — все можно спасти, остановить...
Не удалось.
Врач, что меня почистил, уговаривал остаться на сутки под наблюдением.
Он избегал смотреть мне в глаза.
Все тискал в руках какие-то бумаги, и отводил взгляд.
Только стекла его очков тревожно сверкали.
— Мы сделали еще пару тестов, — бормотал он. — Анализы... Ну, вы понимаете.
Кажется, нашли еще одну проблемку.
Проблемку.
Я киваю, а мне хочется орать и выть.
Потому что этих «проблемок» просто нескончаемое количество.
Я чувствую себя рваной тряпкой, которую штопают, а прорехи появляются на новых местах.
Потому что больше нет ресурсов.
Я истончилась, кончилась.
И как не тяни, ничего не поможет.
Разорвется в другом месте...
— Вы выносить не можете.
Он произносит это почти шепотом.
Я чуть не расхохоталась истерически ему в лицо.
То есть, весь этот ад, все три попытки, все мои анализы, гормональные терапии, забор яйцеклеток — это все было зря и заранее обречено на провал?!
— Но ведь это не конец. В вашем случае я бы вам посоветовал услуги суррогатной матери. В конце концов, можно взять малыша из дома малютки. Ну, иного выхода нет! Вы не родите, да вы даже не забеременеете никогда!
Он почти кричит это.
С мукой в голосе.
Понимаю.
Ему надоело врать и успокаивать, обманывать меня.
Он тоже устал возиться со мной.
С моим упрямым желанием ощутить себя полноценной женщиной.

Ощутить часть себя и мужа, слитых воедино.
Соединенных в ребенке.
Желание ощутить зреющую в моем теле новую жизнь.
Все это время врачи давали мне напрасные надежды.
Улыбались и подбадривали.
Убеждали, что с первого раза не у всех получается, и это нормально.
И со второго тоже.
А получается, что у меня и с сотого не вышло бы.
Вранье... тотальное вранье.
Но вместо того, чтобы погрести его под тяжестью всех этих мыслей, я лишь сухо киваю.
— Спасибо, доктор.
— Оставайтесь хотя бы на ночь, — тянет он. — Вип-палата в вашем распоряжении. Вко-
лем вам успокоительного, поспите. Да и вдруг...
«Вдруг» меня не беспокоил.
Все самое страшное со мной уже произошло.
А еще со Стасом объясняться.
Как он воспримет третий выкидыш?
Стас уже строил оптимистичные радужные планы.
Выбирал цвет детской.
И снова пус-то-та...

Стас был дома.
Деятельный, беззаботный, оживленный.
Насвистывая песенку, он собирал вещи и складывал их в большой чемодан.
В тот, с которым он обычно ездил в командировки.
За все то время, что я была в больнице, он не позвонил, не спросил, что со мной.
Не заехал.
Не встретил.
Я добралась сама, на такси.
Я с трудом стащила кроссовки в прихожей.
Живот еще ныл, несмотря на тонны влитых в меня лекарств.
С трудом прошлепала в нашу спальню и застала его у шкафа, где он перебирал свои
футболки и носки.
— Стас, нам надо поговорить, — произнесла я, прислонившись плечом к косяку.
Сил не было совсем.
Я стоять не могла.
А еще нужно озвучить самое страшное.
— Говори, — оптимистично отозвался он.
Стас очень красивый.
Сильный, высокий, спортивный.
Стильная, волосок к волоску, прическа. Яркие глаза, широкие брови.
Умное интеллигентное лицо.
Все мои подруги вздыхают: «Такой породистый самец! Такому надо родить десять ребя-
тишек!»
А я не могу и одного...
Дыхание застревает у меня в горле, слезы снова льются рекой.
— Стас, — выдыхаю я сквозь сжатые зубы. Меня колотит от боли и надвигающейся исте-
рики. — Ничего не вышло. Опять.
Язык не повернулся сказать «я потеряла ребенка».

Я сжалась в комок, ожидая выплеск ярости.

Стас всегда буро реагировал на неудачи.

На любые неудачи.

Ругался и бегал, как будто не находил себе места.

Но не на этот раз.

Он лишь кивнул, вздохнул чуть слышно, и продолжил раскладывать вещи.

Я просто лишилась дара речи.

— Ты слышал, что я сказала?

— Ну, разумеется, я же не глухой.

Он посмотрел на меня ясными, очень спокойными глазами.

Снова улыбнулся и вернулся к своему занятию.

— Стас, я потеряла ребенка! Я снова потеряла ребенка! Я!..

Мой голос срывается на крик.

До сих пор сдерживаемая истерика выплескивается.

Я чувствую, как меня колотит, и как пульсирует кровь и боль в опустевшем животе.

Как будто там зияющая дыра.

Мертвое. Все мертвое...

— Я это понял, — терпеливо ответил он. — Но, дорогая, в данный момент я ничем не могу тебе помочь. Затолкать его обратно уж точно нет, не смогу.

— Что?! Что ты несешь?!

— А что я несу?

Я буквально захлебывалась слезами.

— Я ожидала от тебя поддержки и сочувствия, — всхлипнула я. — Да я домой приехала, лишь бы не оставаться в палате одной! Я приехала к тебя, чтобы ты утешил, а ты!..

Стас снова вздохнул мученически, выслушивая мою истерику.

Руки его опустились.

— А кто утешит меня? — неожиданно зло произнес он.

— Что?! — опешила я.

— Вера! — прорычал Стас злобно. И с остервенением швырнул очередную тряпку на пол. — Да я уже чертовски устал ото всего этого!

— Это ты устал?! — шепчу я сквозь слезы.

Глава 2

После моих гормональных стимуляций, после болезненных проколов, после подсадок, надежд и болезненных выкидышей он устал?!

Но Стаса уже не остановить.

— Да мне осточертели эти рожи в натальных... как их, черт подери! Центрах! Я знаю их все наперечет! И мне стыдно смотреть им в глаза! Потому что они смотрят и ухмыляются! «Здравствуйте, дяденка!» — кривляясь, пропищал он. — «Снова пришли подрочить в баночку?». Черт! Я здоровый мужик, а вынужден заниматься этой мерзостью! Под присмотром кобыл в белых халатах! Посторонних баб, которые контролируют мое семяизвержение! Да черт!

— Но это же ты мечтал стать отцом, — лепечу я растерянно.

— Мечтал! — срывается на крик Стас. — Мечтал, мать твою! Думал, все будет, как у нормальных людей! Секс, беременность, роды, ребенок! Но ты даже этого не можешь! Не можешь сделать то, что заложено в тебе природой!

— Что?!

— Что слышала!

Он подошел ко мне вплотную, злой, распаленный.

Колючим взглядом впился мне в лицо.

— Ты меня не возбуждаешь, — прямо заявил он. — От тебя воняет больницей. Болезнью и горечью. Да ты цветом как стены в дешевом больничном коридоре! Бледно-зеленая!

Странно было бы, если б потеряв много крови я была б какого-то другого цвета...

— Только полосы поперек не хватает!

Стас яростно тычет мне пальцем в лоб, и я с размаху падаю на постель.

На нашу постель, в которой он меня ласкал и говорил, что любит.

— Какого черта! — яростно рычит он. — В общем, все. Я уйду от тебя.

— Куда?.. — лепечу я.

Он неопределенно пожимает плечами.

— На курорт в Турцию. Потом, может быть, в Египет. Или вон в Испанию. Куда угодно, лишь бы не дышать твоими больничными миазмами. Ты как бабка-паралитичка. Только что мочой не воняет. Мне все это надоело.

И у меня становится нестерпимо горько во рту.

— Вот как заговорил! — со смехом выдыхаю я. — А как же в болезни и здравии? В горе и радости?

— В радости! — подхватывает он и кивает головой, как бешеный конь. Глаза его ненормально блестят. — В радости! Я так долго был с тобой в горе, так чего ж ты не хочешь со мной порадоваться, а? Ну, не получилось с этим ребенком. Да и шут с ним! Прыгай в купальник, поехали развлекаться! Море, песок, ты и я! Выпивка, танцы! Отдых и вечное лето! Но ты вцепилась в эту идею с беременностью как идиотка! Да нахрена, если не выходит!? Ну, нахрена, объясни мне?

Как ему объяснить свое желание стать матерью?

Желание слиться с этим человеком воедино и воплотить эту связь в ребенке?

По-моему, это невозможно.

Я даже дышать не могу от боли.

И эта боль сильнее, чем боль при выкидыше.

Эта боль с мясом вырывает мне душу.

— Посмотри, в кого ты превратилась!

Он сует мне под нос нашу свадебную фотографию.

Белое облако фаты, улыбки, свет и счастье.

— Женился на роскошной красотке, — хохочет Стас, — а что получил?! Уродину! Ты же серая, как нестиранные трусы! Вечно растянутые свитера, уродливые джинсы! Гулька эта на башке, вечно некрашенная и немытая! Обвисшая дряблая кожа, вечная беременность, кровотечения и тошнота! Ты похожа на подышающую спидозную наркоманку! Черт, черт!.. Сколько потрачено денег, и все зря!

— Это всего лишь деньги! — ору я, не контролируя себя.

— Деньги, которые я зарабатываю! — орет он в ответ мне. Зло, яростно. — Которые я спускаю... в твою бесполезную писечку, с которой ты носишься по больницам! Черт! Даже это у тебя не работает! Бесполезное, тупое существо!

Я только плачу.

Я не могу ответить.

Меня колотит и губы дрожат.

— Я больше не могу с тобой, — зло подводит итог Стас. Лоб его мокрый, лицо бледное. — Хочешь дальше заниматься всякой фигней типа ЭКО — будь добра, сама на это зарабатывай. Я лучше спущу бабки на Лазурном Берегу. Это приятнее, чем быть с тобой. Больная. Юродивая.

Это больнее, чем удар по лицу. Но действует так же.

От этих слов звон в ушах и звезды перед глазами.

И чудовищна, ядовитая, мертвецкая горечь на языке.

— Мерзавец!

Не помня себя, подскакиваю, с кулаками набрасываюсь на мужа.

Хлещу его по красивому лицу, по губам, по глазам...

Он молчит.

Только смотрит страшно и решительно.

Так, что мне становится жутко.

А потом я вдруг понимаю, что мне конец.

У него в голове складывается картинка.

Такая четкая, что даже я ее вижу.

Несчастливая женщина вернулась из клиники в истерике после очередного выкидыша.

— У меня самолет в пять, — бормочет он.

Его сильные ладони перехватывают мои руки.

Крепко и больно.

Так, что кости хрустят в его решительной хватке.

Да, в этот миг он уже все решил. Бесповоротно.

Я еще помню, как эти руки умеют ласкать...

Он подтаскивает меня к раскрытому окну.

У меня кружится голова от острого ощущения опасности и неминуемого конца.

Вот и все. Вот и все.

Сегодня вечер пятницы.

Дом почти пуст, все тусят и радуются жизни.

Никто и не услышит моего последнего вопля.

Найдут меня только в понедельник.

Когда Стас со всеми деньгами будет на Лазурном Берегу.

Да и вообще, все могут списать на мою истерику из-за очередной неудачи.

Самоубийство.

Это так естественно.

Ни у кого никаких вопросов.

— Приятного полета!

Цепкие руки Стаса хватают меня за лодыжки, и последнее, что я вижу — перевернувшееся небо.

Я никогда не стану мамой...

Глава 3

Сегодня годовщина нашей свадьбы с самым прекрасным мужчиной на свете!
А еще говорят, что аристократы не женятся на простолюдинках.
И все они эгоистичные чудовища.
Но я точно знаю — это не так.
За внешней спесивой гордостью внутри живут такие же горячие и живые чувства.
Я — простолюдинка, а замуж меня взял герцог.
— Никаниэль, накинь шаль! — издали кричит свекровь. — В саду сыро, простудишься!
И не смей перечить, несносная девчонка. Не то я напою тебя горячим молоком с луком на ночь!
Я хохочу.
Она может.
Может перед сном явиться в нашу спальню и собственноручно надеть на мои ноги теплые шерстяные носки.
— Ночь темна и холодна, — шепчет она, укутывая меня одеялом, словно мне пять лет.
И всегда целует в лоб, словно я ее маленькое дитя. — Береги себя.
Это до дрожи трепетное отношение не может быть ненастоящим, притворным.
Я чувствую ее беспокойство.
Знаю, что она надо мной трясется, словно я самое дорогое в ее жизни.
Отгоняет даже тень болезни от меня.
Собой заслоняет от сквозняков.
Знала бы она, как я жила до брака с ее сыном!
Частенько умываться приходилось ледяной водой, а холодной осенью до лавки идти в деревянных башмаках на босу ногу.
Что, что, а здоровье у меня отменное. Я не только закаленная, но и крепкая.
Впрочем, госпожа герцогиня все это знает.
Она лично приезжала забрать меня из отчего дома.
И видела, что семья моя не шикует.
Не голодает и не бедствует, но и не сорит деньгами.
Порой уголь и дрова приходилось экономить.
И в спальнях поутру было чересчур свежо.
Но это все в прошлом.
— Спасибо, мама, — шепчу я нежно ей в ответ.
И она улыбается одними только глазами.
Мой муж, ее сын, смотрит на эти чудачества госпожи матери со снисходительностью.
— Госпожа мать преувеличивает, — цедит он. — В нашей постели не бывает холодно.
От его слов мне оглушительно стыдно.
Но я молчу, пряча пылающее лицо под одеялом.
Она замахивается на него палкой.
— Научись уже беречь жену! — ворчит она.
У нее прямая спина, горделивая посадка головы.
Седые волосы, уложенные красиво в высокую прическу.
Тонкая талия, утянутая в корсет.
Но одна нога волочится.
Кажется, то ли повредила, то ли сустав поразила инфекция.
Но это единственное ее слабое место.
Вдовствующая герцогиня словно из стали отлита.
И всегда найдет в себе силы позаботиться обо мне.

Вот и на нашем празднике она носится со мной, как наседка с яйцом.
Как с маленьким ребенком.

— Надень шаль, — снова велит она.

В общем-то, права.

Сад еще не отогрелся после холодной весны.

И в нем действительно сыро.

Острый холодок покалывает руки и обнаженные плечи.

А от холодной воды у меня перехватывает горло.

Не хватало еще охрипнуть в такой-то важный день!

Мне ведь предстоит сказать мужу самые важные слова.

Те, которые он ждет.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Сейчас возьму. А где Натан?

Натан — мой муж.

Самый красивый мужчина из всех ныне живущих!

Могучий великан двух метров росту.

С пронзительными голубыми глазами, с волнистыми каштановыми волосами.

С четкими чертами лица, словно высеченными в мраморе.

Мой герцог Ла Форс.

Сама сила отпечаталась в его величественном имени.

— У него какие-то дела с каким-то юрким пронырой-стряпчим, — расплывчато отвечает свекровь. — Какая-то скучная дрянь, касательно пошлин. Он присоединится к нам через полчаса, милая.

Я радостно киваю и спешу за шалью.

Моя гардеробная и личная спальня в доме.

Но я помню, что вчера оставила шаль у мужа в кабинете.

А кабинет расположен во флигеле, чуть в стороне от дома.

Вокруг него много цветущих деревьев, и воздух там напоен их ароматами.

Там приятно и работать, и... отдыхать.

Вчера Натан стащил мою шаль и бросил в кресло перед тем, как усадить меня на стол и жадно овладеть мною.

Вспомнить стыдно!

Мои щеки алеют от воспоминаний о его ненасытной жадности и страстной грубости.

Он всегда брал меня так, словно покорял. Каждый раз.

Вжимаясь в мои раскрытые перед ним бедра резко и сильно.

Он горяч и готов к любви всегда.

Всегда желает меня и всегда с нетерпением добирается до моего тела.

Раскидывает юбки, сжимает плоть жадными и сильными пальцами.

Всегда испивает первый дрожащий стон из моих губ.

И всегда щедр на подарки.

Украшения он дарит мне просто сундуками.

Просто потому, что я рядом.

Я, простушка.

Милая девушка незнатного рода.

Красивая, но без мало-мальски приличного приданого.

И, конечно, без титула.

— Ты для меня все, — шепчет Натан, надевая на мою шею очередное ожерелье, поблескивающее холодным светом сапфиров и с бриллиантами. — Я счастлив, что нашел тебя.

Сегодня, в этот особенный день, он снова подарил мне украшения.

Рубиновое кольцо.

Рубины, обточенные круглые бусины.

Темные, как кровь, глянцевые, как спелые вишни.

Блестящие, большие.

Каждая размером с крупную горошину.

Идеальной формы, все одинаковые.

Меж ними поблескивают острые треугольные бусины из алмазов и капли темных гематитов.

В этом мире, где месторождения рубинов истощены, это кольцо просто бесценно.

Все, находящиеся на празднике, просто позеленели от зависти, увидев на моей шее это ювелирное чудо.

И мужчины, и женщины.

Это слишком дорогой подарок.

Слишком невообразимый.

Тридцать пять крупных рубинов.

Это целое состояние, какого у многих приглашенных нет.

Такие бусины продают редко.

И всегда запредельно дорого.

Но у меня тоже есть подарок для Натана.

Дороже рубиновых бусин, дороже алмазов и золота.

Придворный лекарь еще на прошлой неделе осмотрел меня и подтвердил мои догадки.

— Вы в положении, леди Ла Форс! — торжественно провозгласил он. — Герцог будет просто счастлив. Доложу ему немедленно.

— Подождите! — взмолилась я. — Давайте я сама... в день нашей годовщины!

На лице лекаря отразилось сомнение.

— Ну, поймите же, — умоляла я. — Я ничего не могу подарить мужу на годовщину! Ленту? Красивый шарф? Это все не то! Такая мелочь! А вот сказать о наследнике... Да он будет на седьмом небе от счастья!

— Будет, — все с тем же сомнением в голосе произнес лекарь. — Но у меня четкие инструкции... Я обязан оповестить... герцог настаивал на этом!

— О, понимаю. Натан ждет наследника с таким же нетерпением, как и я! Но всего неделя... Вы ведь тоже приглашены на прием? Я скажу, и вы подтвердите при всех! Это будет мой подарок мужу. Я не могу не отблагодарить его за доброту и щедрость.

Лекарь промолчал.

Он, конечно, приглашен. Его не могли не пригласить.

Не понимаю, чего он ломается.

— Скажем, что вы тоже только что узнали, — соблазняя я. — Осмотрели с утра, и вот...

На лице лекаря мелькает облегчение.

— Леди не понимает, чем грозит мне сокрытие, — бормочет он.

Но я смеюсь и сую в его руки мешочек с золотом.

— Но мы ничего не собираемся скрывать, — весело ответила я. — Просто отсрочим. Так мы договорились?

Он смотрит на мешок, потом на меня.

— Да! — решается наконец-то он.

— Славно! — отвечаю я. — Наш с вами выход сразу после большого танца! При всех. Чтобы все гости знали, что герцог Ла Форс скоро станет отцом!

Но я лукавила.

Сообщить мужу я хотела сама.

До танцев.

До церемонии вручения подарков.
Хотела первой увидеть его радость и разделить ее с ним.
И вот настал тот самый момент.
Я бежала по лестнице за шалью в кабинет мужа.
Смеялась, предвкушая изумление Натана.
И прижимала руки к животу, где зрело мое сокровище.

Глава 4

— Натан, сколько это может продолжаться?! Сколько эта безродная корова будет жить в твоём доме и занимать мое место?!

Этот выкрик остановил меня вернее удара хлыста.

Я замерла под полуоткрытыми дверями кабинета Натана, ни жива, ни мертва.

Потому что крикливый голос — это голос его прежней невесты.

Рыжеволосой красотки Иды.

Той, что он оставил ради меня.

Изгнанной из дома, как я думала.

Оказывается, нет...

Первым моим порывом было распахнуть двери, ворваться в кабинет и потребовать у Натана выставить ее вон.

Не знаю, что меня удержало.

Может, шок, что пригвоздил меня к месту.

Шок от понимания, что эти слова она говорила обо мне.

Как будто имела на это право.

А Натан, мой Натан, которого я люблю больше жизни, и который клялся в любви мне, не велел ей закрыть рот и убраться.

Он только посмеивался.

Ее горячность забавляла его!

— Смеешься? — визгливо выкрикивает она. — А мне совершенно не смешно! Каждый день я вынуждена сносить издевки за спиной. Все думают, что ты действительно променял меня на нее! И это невыносимо, невыносимо!

Что значит думают?!

Мы ведь с Натаном женаты!

— Ну, ну, — посмеивается Натан. Снисходительно и мягко. Так, как обычно говорил со мной. — Я сделал это ради тебя. Ради нас. Ради нашего будущего. Ты же знаешь, что это вынужденный шаг. И всегда знала.

Вынужденный!

Я едва не кричу.

Задыхаюсь в туго затянутом корсете.

Сердце разрывает грудь.

Это что, такой розыгрыш?!

Если да, то это очень злая и дурная шутка!

От нее у меня во рту становится горько, будто я выпила лекарство от лихорадки.

Но это была вовсе не шутка.

— Мне до смерти надоело ждать и терпеть! — рычит она.

— Нет, если хочешь, я могу выставить ее сейчас же, — продолжает Натан голосом, полным безразличия. Как будто говорит не обо мне. Как будто не он обещал мне вечную любовь и верность! — Но тогда тебе, милая, самой придется поработать мамочкой, и попортить твою хорошенькую фигурку. А возможно, и умереть. Скорее всего, так и будет. Ну, что скажешь?

— Вот еще, — зло фыркает девица.

— К тому же, — небрежно продолжает Натан, — мы с тобой в о-о-очень близком родстве, дорогая. Ты мне... сестра? Тетя? Я запутался. Но это не важно. Важнее то, что наш с тобой ребенок, скорее всего, родится отвратительно больным. Или не родится вовсе. А я хочу здорового наследника.

— Ах ты, расчётливый подлец, — шипит девица, как злобная драная кошка. — Еще и выродка этой девки под одной крышей терпеть всю жизнь...

Натан смеется.

— Что же поделаешь, дорогая, — отвечает он. — Если хочешь жить со мной и быть моей женой, нужно чем-то пожертвовать. Тебе придется считаться с моим сыном. И воспитывать его как своего собственного.

— А если я все-таки рожу своего? — быстро спрашивает она. — Выродок этой девки не имеет права на твои деньги и титул!

— Потихише на поворотах, — тихо смеется Натан. — Это прежде всего мой сын! И он имеет права на все.

— Не смей мне затыкать рот, мерзавец! — рычит эта хищница. — Не то я тебе глаза выпарапаю! Ну так что? Если я вдруг?..

— Ида, Ида, — цокает языком Натан. И я слышу в его голосе горькое сожаление. — Ты же слышала, что говорят лекари в один голос: ни единого шанса. Ты родишь, в лучшем случае, монстра. В худшем — двухголового. Он издохнет в тебе сам и убьет тебя, так и не выйдя из твоего тела. Я этого не хочу. Только по этой причине я пошел на такую жертву. Женился на нелюбимой женщине.

— Жертва! — рычит она. — Кувыркаясь в постели с ней, сильно ты страдаешь?!

— Сильно, — снисходительно отвечает он.

Ему нравится ее неукротимость.

Ее неприкрытая агрессивность и сила.

Я видела ее пару раз.

И знаю, что ею невозможно не любоваться.

Признаться, в свое время я удивилась, что он предпочел меня.

Но он сказал лишь одно слово, глядя мне прямо в глаза — люблю.

И я поверила...

— Ну, ну. Не сердись. Ты же не хочешь, чтобы мое состояние и герцогская корона перешли Ивару из-за такой малости, как бездетность? Я обязан продолжить род в ближайшие десять лет. Иначе... Влачить жалкое существование ты не хочешь, я знаю.

Ида насмешливо фыркает.

— Будто бы Ивар сможет ваш род продолжить! — с хохотом говорит она.

— Ивар старший, — лаконично замечает Натан. — Он имеет право на корону больше, чем я.

— И больной уродец, — шипит Ида. — Бесплодный мозгляк сдохлым червячком в штанах! Да он не сможет!..

— Он не хочет, — прервал ее вопли Натан. — А не может. Но если не выйдет у меня, госпожа мать заставит его продолжить род, хочет он этого или нет. И тогда герцогская корона его.

Я уже не сдерживаю слез.

Они рекой бегут по моему лицу.

Боже, какая мерзость!

Какая расчётливая низкая гадость!

Использовать меня в своих планах!..

Лгать, каждый день лгать, заставляя верить себе, чтобы в конце концов предать!

И с каким презрением он говорит обо мне!

Словно я какая-то вещь.

Не любимая женщина...

Не человек.

Словно я гадость, которую он выловил в сточной канаве.

— Эта девка, Никаниэль, молодая, здоровая и крепкая самка. Идеальное вместилище для моего сына. Она сможет и зачать, и выносить. У них семейка многочисленная. Плодятся, как кролики. И все здоровы. Ни единой червотчины. Ни одной наследственной болячки. Кровь их горяча и жива. Ею можно разбавить мою.

— Могут заподозрить подлог, — шипит Ида.

Как тлеющие угли под струей воды.

— Лекарю и так заплачено, — беспечно отвечает Натан. — Он подтвердит, что случилось чудо, и ты родила здорового младенца. А если кто-то станет задавать вопросы... Что ж, я предъявлю ребенка королевским лекарям. Они не смогут опровергнуть тот факт, что ребенок от меня.

— Ты уверен? — мурлычет эта ведьма хитро. — Может, твоя простушка-женушка задирает юбку перед садовниками или конюхами? Вот так приживет от кого попало...

— Прекрати! — рявкает Натан. — Не смей даже заикаться об этом! Не то я шею тебе сверну! Она не изменяет мне! Госпожа мать следует за ней по пятам. Она не допустит, чтобы Ники коснулся другой мужчина.

— Она нас не предаст?

— Госпожа мать всецело с нами, — сухо ответил Натан. — Она будет играть свою роль для моей женушки до конца.

А у меня душа леденеет от этих слов.

Я просто задыхаюсь.

Какая жуткая семейка!

Какое змеиное гнездо!

То, что я принимала за искреннюю заботу и любовь, на самом деле слежка.

Холодная и расчетливая.

Госпожа мать, конечно, переживает за меня.

Но лишь только как о вместилище для ее будущего внука...

Я прижимаю руки к животу и чувствую, как яд разливается по моему телу.

Эти слова... то, что Натан говорил...

Они травят меня вернее мышьяка.

— И вот как только Ника забеременеет, я запру ее в самой высокой, самой крепкой, самой удобной башне. Подальше от глаз людских. А всем скажу — госпожа жена потерялась... И тотчас же женюсь на тебе. Только и всего. А когда она родит, скажем всем, что родила ты. А ее в расход. Скормим ее останки псам, никто ни о чем и не заподозрит.

— Она может скинуть, — обеспокоенно говорит Ида.

— Не скинет. Я же не собираюсь ее неволить и мучить. Просто придумаю благовидный предлог, в который она поверит. И госпожа мать продолжит за ней следить. Ухаживать. Кормить с ложечки. Нянчить. Глупой девчонке это нравится.

Тут меня едва не вырвало.

Я зажала рот руками, чтобы ни всхлипом, ни стоном не выдать своего присутствия.

В голове моей была черная пустота.

Глубокая, как могила, куда эти двое собирались меня положить.

Да какие двое — все.

Всё семейство в этом собиралось принять участие!

В моей голове билась одна только мысль — бежать.

Сию минуту.

Куда угодно.

Подальше от этих страшных грешников.

От этих лжецов, от этих кровосмесителей и хладнокровных убийц.

От их грязной страсти, которую они не могут преодолеть.

От их болезней, что прячутся за внешне здоровой оболочкой и тянутся, словно ядро на ноге каторжника, прикованное тяжелыми цепями.

О, лучше ходить в деревянных башмаках и пить ледяную воду из колодца, чем быть рядом с ними!

Мой воспаленный разум, верно, придумал звуки страстных поцелуев и сладкие, беспомощные, животные стоны.

И потому я должна, обязана была посмотреть на них.

На изменника мужа и его возлюбленную.

Я осторожно заглянула в щель между дверью и косяком и увидела.

Эта Ида, горячая дикая самка, сидя на письменном столе, бесстыдно раздвинула ноги, извивалась и кричала в руках Натана.

Моего Натана!

А я, увидев это, словно вывалившаяся в грязи, сбежала прочь по лестнице, думая только об одном: не хочу видеть его больше.

Никогда.

И быть рядом не могу.

Не могу позволить ему касаться меня.

Нет.

Я добралась незамеченной до входной двери и с силой потянула на себя за тяжелое витое кольцо.

Мне не хватало воздуха, я задыхалась.

Вокруг цвела юная весна, а мне казалось, что я задыхаюсь от зловонного смрада.

Дверь открылась, и на пороге, к ужасу своему, я увидела Ивара.

Старшего брата Натана.

И он увидел меня.

Растрепанную, задыхающуюся, бледную, с залитым слезами лицом.

А чуть приподняв голову, услышал и страстные, томные вздохи резвящейся парочки.

И не понять, от чего и куда я бегу, он не мог.

— Куда-то собрались, госпожа герцогиня? — произнес он сладеньким гадким голосом.

Глава 5

— Ты знал обо всем! Знал, что они готовят меня на убой, и молчал!

— А что я должен был сказать? «Беги, Ники?» Это не очень-то хорошо по отношению к братцу и к будущему пемянничку.

— А по отношению ко мне хорошо?!

— А я должен питать к тебе какие-то особые чувства? Настолько особые, чтоб поссориться из-за тебя с семьей?

— С семьей убийц!..

— Я кровь от крови, плоть от плоти этих людей. Чего ты от меня ожидала?

— Может быть, немного человечности?

— Оглянись-ка вокруг, дорогая. Где ты находишься? В доме аристократа. Ты разве не слышала, каковы нравы в знатных семьях? Все то, что говорят о нас в народе — все чистая правда. Иначе нам не выжить и не продолжить свой род.

— А я-то поверила, что может быть не так, как о вас рассказывают в страшных байках! — горько прошептала я. — Я верила всем вам!..

— Ты что, маленькая девочка? — холодно произнес Ивар. — Поверила или сильно хотела поверить, что попала в сказку? Так захотелось нарядных тряпок и побрякушек, что предпочла закрыть глаза на то, что все знают чуть ли не с рождения?

— Что?! Ради тряпок и побрякушек?! Вот ты как обо мне думаешь! Я полюбила Натана! Полюбила! И только поэтому пошла за него!

— И кто же теперь виноват?

— Я виновата в том, что вы обманули меня, захотели меня использовать, а потом еще и убить?!

Стыда в глазах Ивара, конечно, мне не видеть.

Я задыхаюсь от боли и злости, и Ивар усмехается.

— Ну, ну. Спокойнее, спокойнее. В конце концов, мы все умрем. А твоей смерти многие, думаю, позавидовали бы. Натан ведь не садист. Для тебя он выбрал бы какой-нибудь милый и безобидный способ. И ты спокойно отошла бы в мир иной во сне, со сладкой улыбкой на устах.

Ивар снова улыбнулся, будто мысль о моей смерти его забавляла.

Улыбка у него жуткая. Одержимая.

В ней есть что угодно, только не радость и не доброта.

Все говорят, что Ивар порченный. Даже его собственная мать.

Наверное, это из-за его безумного взгляда.

У Ивара один глаз темный, как переспевшая вишня.

Второй светло-голубой, в обрамлении белых ресниц, отчего кажется неестественно-широко распахнутым.

И смотрит Ивар всегда прямо в лицо.

Даже если видит, что собеседнику это неприятно.

Особенно если видит, что собеседнику неприятно...

Он словно получал удовольствие, причиняя боль таким немудреным способом.

Ивар среднего роста и сложения тонкого.

Как девятнадцатилетний мальчик.

На фоне крупного, сильного Натана он кажется тонким, как соломинка.

Его руки по-юношески хрупкие, словно он ничего тяжелее ложки в них не держал.

Только ему ведь за тридцать.

А еще болезненный Ивар частенько дает волю кулакам, говорят.

На него время от времени находят злобные припадки, и тогда Ивар не может противиться гневу.

Гнев нашептывает ему в уши: «Убей!».

И Ивар подчиняется яростному безумному зову.

Кидается на первого попавшегося без особой причины.

Я ни разу не видела, как он дерется.

Но иногда он являлся к семейному обеду с синяками на лице, или с разбитыми губами.

Со сбитыми костяшками пальцев или раненный.

Но он не показывал вида, что ему больно.

Его ненормальные глаза в эти дни возбужденно сверкали.

Он жадно ел, рвал мясо крепкими зубами, как зверь.

Смеялся и оживленно болтал.

А семья делала вид, что не замечает его побитого лица.

— В этой семье не осталось людей! — шепчу я, отступая от Ивара. — Одни бесноватые чудовища!

Ивар усмехнулся и сделал шаг ко мне.

Мне словно сама смерть в лицо глянула.

Сердце обожгло болью так, что я едва не задохнулась.

— Давай без драм, дорогая, — говорит он. — И без скандалов. В приличных домах это не принято. Да и толку не будет, если сейчас ты выскочишь и закричишь. Будь хорошей девочкой, вернись к гостям и забудь обо всем, что услышала. Это поможет тебе прожить коротенький остаток твоей жизни прекрасно и счастливо. Как в раю. В любви и уважении. Не многие жены этим могут похвалиться.

Меня словно в ледяную воду окунули.

— Они что, — задыхаясь, вымолвила я, — все эти гости... они знают?! Знают о том, какую судьбу мне приготовила ваше семейка?!

Ивар неопределенно пожал плечами.

— Не знают, так догадываются, — ответил он. — А может, кто-то даже делал нечто подобное. Мы же чудовища, забыла?

Я так и отпрыгнула от него.

— Какие же вы все мерзкие! Лжецы, убийцы, извращенцы, гадкие кровосмесители!..

— Понимаю. Это очень неприятно — обнаружить себя прямо посреди преисподней, — продолжил Ивар, снова делая шаг ко мне. — Да еще и полной самых отборных чертей. Наверное, тебе сейчас очень страшно. Но, как бы то ни было, ты жена моего брата. Госпожа герцогиня. Леди Ла Форс. Так что будь добра, держи лицо. Не смей закатывать истерику, как какая-нибудь базарная торговка.

А вот тут он прав.

Хотя мне страшно так, что в глазах темнеет.

Я не хочу, чтоб эти мерзавцы, эти чудовища, гости, видели, как я мечусь в панике и ору.

Не хочу видеть их мерзкие ухмылки.

Не хочу видеть презрение в их глазах.

Не хочу слышать смех.

Не хочу даже на миг почувствовать себя загнанной истерзанной дичью среди хищников.

Этого не будет.

Нет.

Я гордо вздергиваю подбородок и отвечаю Ивару таким же твердым и холодным взглядом, каким он смотрел на меня.

— А ты прав, — выдохнула я. — Я леди Ла Форс. Я герцогиня, твоя госпожа. Не забывай об этом. Так что закрой свой рот и не смей мне указывать, что делать. И убери свои руки, не смей меня касаться.

— О-о, — протянул Ивар с кривой ухмылкой. — Вот это слова благородной леди, а не испуганной сопливой девчонки.

И он глубоко и уважительно поклонился мне с деланной вежливостью.

Издевался, разумеется...

— Полагаю, — продолжила я как можно спокойнее, хотя внутри меня все горело от боли, — в свете последних событий мое нахождение здесь неуместно.

— Ты не можешь сбежать, — возразил Ивар, поднимая на меня свой омерзительный смеющийся взгляд.

— Я могу все, — огрызнулась я. — Не тебе меня удерживать. Эти вопросы я буду решать только с твоим братом. С моим законным мужем.

— Справедливо, — качнул головой Ивар.

Думаю, ему вдруг пришло в голову, что посмеяться над Натаном будет очень забавно.

От него, такого величественного и прекрасного, сбегает эта трусливая ничтожная мышь, жена!

По тонким губам Ивара скользнула недобрая ухмылка.

— Так что прочь с дороги, — тихо, но твердо продолжила я.

— Непременно, — покладисто ответил Ивар. — Только минутку погоди...

Он склонился, и к моему великому ужасу вытащил из сапога нож!

Глава 6

Этим ножом в драках он вспарывал горда бродяг и пьяниц?
И этим же ножом он прикончит меня?
Даже не оттерев с его лезвия больную кровь?
Я застыла.
Ни звука не вырвалось из моего горла.
Даже если он сейчас меня прирежет и спляшет ненормальный танец безумного садиста над моим телом — я не выкажу моего ужаса!
Я умру гордо и молча.
Ивар же вдруг бесцеремонно ухватил меня за талию и крутанул, как юлу.
Меж своими лопатками я ощутила холод его ножа.
Мое тело скрутило судорогой от страха, лопатки едва не сошлись вместе.
Но холодный клинок провел смертельно-ужасную полосу по моему позвоночнику тупой стороной.
А я услышала, как под лезвием лопаются шнурки моего корсажа.
Платье под собственной тяжестью поползло вниз.
И я, наконец, смогла сделать глубокий вздох.
— Ты бы задохнулась через минуту, — грубо сообщил мне Ивар, снова бесцеремонно крутнув меня и грубо ухватив мое платье всей пятерней за стомак.
Поправил его, как мог.
Хотя, конечно, одежда на мне не держалась.
Да и я на ногах тоже не очень.
— Иди, — грубо сказал Ивар. — Живи свою жизнь сама. Как можешь. Как знаешь.
Он вдруг бесцеремонно ухватил меня за живот, да так, что я вскрикнула.
Я бы вlepила ему пощечину, если б могла.
Но я не могла.
Держала обеими руками платье, сползающее с плеч и с груди.
Так что пощечина обошлась бы мне дорого.
Я предстала бы перед Иваром совершенно голой.
И потому я не могла оттолкнуть его руку, по-хозяйски шарящую по моему животу.
— Беременна, — вдруг произнес Ивар безжизненным, мертвым голосом. — Вот оно что — ты беременна!
Клянусь — он был готов ухватить меня между ног, как корову или козу!
Чтоб оценить мое состояние.
Я ждала, что он своим ножом, только что подарившим мне дыхание и жизнь, сейчас подарит мне и смерть.
Вспорет живот или засадит клинок в самое сердце!
Но он отпустил меня.
— Бог тебе в помощь, — вдруг сказал он, отпустив меня, наконец. — И да. Один совет тебе на прощание. Не верь никому. Никогда. И помни: в этом мире можно положиться только на себя. Никто не пожалеет. Никто не поможет.
Он понял, что я хочу уйти, убежать, но отпустил.
Оттолкнул меня со странным омерзением.
Словно я была кулем с грязными вонючими тряпками.
Оттолкнул с содроганием.
Брезгливо.
Будто я его заставила почувствовать то, чего он никогда не испытывал.

Жалость? Сострадание? Желание защитить?
Ведь что-то заставило его промолчать и отпустить меня.
Чертов аристократ!
Даже с кучей наследственных болезней, тшедушный, безумный и одержимый, он все же мной брезговал!
Ивар, шатаясь, отступил на пару шагов и...
Вдруг преклонил колено передо мной и опустил голову.
Как раненное животное.
Словно ему тоже стало дурно.
Смиренно склонил лицо, сжал руку на гарде фамильного оружия на боку.
Я не видела, что за чувства его обуревают.
Думаю, он никому не позволил бы их разглядеть.
— Ваша милость, — глухо произнес он, не глядя мне в глаза. — Миледи. Госпожа герцогиня!
Принял меня своей госпожой!
Выше себя.
Покорный и смиренный.
И вместе с тем брезгливый и презирающий.
Я не ответила ему ни слова.
Не могла.
Горло перехватил спазм, ком встал.
Я лишь кивнула Ивару и неспешно прошла мимо.
Вышла в сад и пошла по дорожке, не чуя под собой ног.
Слезы застилали глаза.
Но я старалась скрывать их, делая выражение лица неприступным и гордым.
Я шла мимо гостей, которые склонялись передо мной, и чуть кивала им головой.
Я их ненавидела.
Но чтобы выйти отсюда, мне нужно было, чтоб они не заподозрили о моих намерениях сбежать.
Казалось, пойми они что-то — всей толпой накинутся на меня и вцепятся в руки, в платье, в волосы, чтобы остановить.
Как собаки на дичь.
На лань.
Готовые растерзать, вырвать по куску кожи...
Я улыбалась направо и налево, а глаза мои были мертвы.
Впрочем, гости этого не замечали.
Или замечали, но думали — так надо.
Привыкшие жить во лжи, они считали ее естественной, как дыхание.
А мне с каждым шагом становилось все дурнее.
Я чувствовала, как эта ложь отравляет меня.
И мне не вынести.
Нет.
«Нужно уйти отсюда, — билось в моей голове. — Нужно уйти. Если я умру, то хотя бы не в этом гнезде порока! Не здесь. Где-нибудь в чистом месте!»
Кажется, меня шатало.
Я не видела ничего вокруг себя, только колышущиеся цветные пятна.
Гул голосов остался позади, и я поняла, что сад с гостями остался позади.
Я вышла на аллею, ведущую к бойкому ручью.
Пересечь мостик над ручьем — и я у калитки, ведущей на свободу.

Может, мне станет легче там, где нет гнилости этих людей?
На мост я взошла уже без сил.
Отчаянно цепляясь за перила.
Теперь слезы катились из моих глаз, и унять их было невозможно.
Глаза ничего не видели, и дыхание рвалось на судорожные рыдания и всхлипы.
Тоска сжала сердце так, что боль разлилась горячим ядом по всей груди.
И не унять.
Она сожгла дотла мою радость, мою любовь, мое ожидание ребенка.
Осталась только ядовитая горечь на языке.
В мыслях мелькнуло последнее сожаление.
Жаль, что так сложилось. Жал, что не вышло ничего доброго из моего желания верить
и любить.
А потом свет погас в моих глазах, и я, как подкошенная, упала через невысокие перильца
в воды быстрого и холодного ручья.
Как жаль...

Глава 7

— Ну, вставай! Чего разлеглась-то? Удумала тоже, купаться... не рановато ли? Да ты не померла часом?

Старческий нудный голос тревожит меня.

Палка больно тычется в мой бок.

Я прихожу в себя медленно и чувствую только острый холод.

Меня трясет от него. Ноги облеплены тонкой рубашкой.

Это мне снится, что ли?

Вспоминаю ненавидящий взгляд Стаса и свое падение.

Я в больнице?

После операции?

Но почему мокрая? Или это мне тоже снится?

А потом вдруг другие воспоминания накатывают на меня.

Натан, Ивар, мое бегство через сад, падение в воду, и...

Беременность!

Я беременна!

Безо всяких ухищрений и болезненных процедур.

Просто беременна.

Естественным путем.

И ребенок все еще во мне.

Я хорошо знала признаки, когда плод отторгается.

Хорошо знала вяжущую, тянущую боль.

Сейчас ее не было!

Малыш все еще был во мне, несмотря на падение в воду и холод!

Мое тело — а точнее сказать, мое новое, молодое и сильное тело, — выдержало и этот стресс.

И сейчас не было ничего важнее, чем сохранить ребенка.

Изменил муж? Хотел убить? Ха! Плевать!

Пусть теперь поищет меня!

Я с трудом уселась и отодвинулась дальше от воды, лижущей мне босые ноги.

Мысли мои неторопливо перемешивались, сводя с ума.

Вера-Ника. Ника-Вера.

Обоих мужья предали.

Обе бежали от боли и слез.

И только я нашла утешение. Бесценный дар судьбы.

Я — это кто? Уже не Вера, и конечно не Ника.

Я прижала руки к животу, ощупывая.

— Беременная? — ахнул все тот же старческий голос. — Да ты безумная! Плавать в ледяном ручье!

— Ничего, — хрипло ответила я. — Я закаленная.

Понемногу приходила в себя.

Зрение вернулось.

Мир перестал расплываться бесформенными цветными пятнами.

А я затряслась в ознобе.

Потому что сидеть на берегу, в траве, в одной мокрой рубашке, было невыносимо холодно.

Ноги замерзли до синевы.
И губы тоже. Тряслись так, что я не могла и слова вымолвить.
Все тело колотило и сводило судорогами.
Платья на мне не было.
Никакого.
Последнее, что я о нем помнила — это как Ивар его вспорол, чтоб я не задохнулась.
Потом, видимо, его смыло волной в ручье.
Будь оно на мне, я б непременно потонула.
Выходит, Ивар меня дважды спас...
— Али ты не купалась? — не отставала назойливая подозрительная старуха. — Али
тонула?
Тонула.
Скорее всего тонула.
Как, каким образом я выплыла — не помню.
Я не должна была выплыть.
Даже без платья.
Потому что сознания в моей голове не было ни на грош.
Где-то вдалеке залаяли собаки.
Этот лай я б отличила от любого другого.
Охотничьи псы Натана... С отменным чутьем. Неутомимые.
Ищут меня, наверное.
Я так и подскочила, хотя сил в моем теле было как у хомячка.
— Это тебя ищут? С собаками? Беременную? Что ты наделала, если сам герцог тебя
ловит?
Я перевела взгляд на спрашивающую.
Древняя старушенция, едва стоящая на ногах, как и я.
Только она от старости.
Опирается на клюку, и похожа на взъерошенную сердитую сову.
Одета в обноски.
Волосы под стиранным платком седые, редкие, не очень чистые.
Старая нищенка, одним словом.
— Спрячь меня! — выдыхаю я, и старуха от меня отшатывается.
— Только неприятностей мне не хватало! — орет она, маша в мою сторону клюкой.
— Спрячь!
— Иди в преисподнюю, дьяволово отродье! — бормочет она испуганно и семенит прочь.
Я решительно двигаю за ней, заливая холодной водой, катящейся с моей рубашки, гли-
нистую, гладко утопанную тропинку.
— Я шла сюда за покоем! — брюзжит бабка, шустро отступая прочь от ручья.
Все дальше в кусты.
В темную прохладную зелень.
— Думала — сяду у ручья, буду смотреть на воду... Пока не усну.
Хорошенькое дело!
— Ты что, пришла сюда умереть?! — изумилась я.
Мои босые ноги скользили по траве и глинистой почве.
Но я от старухи не отставала.
И она меня не гнала.
Наверное, чуяла, что если б сейчас она осмелилась меня прогнать, худо ей пришлось бы.
Я бы принудила ее силой выдать мне, где ее дом.
И там бы я спряталась от погони. С ней или без нее.

— Да разве с вами помрешь! — брюзжала бабка. — Ох ты, куда ж ты так скоро... я не поспеваю!

Я подхватила ее под руку и быстро тащила по тропинке, чуть виднеющейся в траве. Прочь от погони.

Посторонний глаз ее б не различил.

А я видела.

Потому что она связывала меня с жизнью.

А жить я ой как хотела!

К ужасу от того, что я узнала о Натане и его семье, примешивалась бурная радость потому, что я была беременна.

Беременна! И совершенно здорова.

Новое, дарованное мне высшими силами, тело было крепким и сильным.

Из него ребенка и пленом не выколотишь.

Я готова была орать во все горло от счастья и скакать, задрав мокрую голову к небу.

Душа моя рвалась вон из тела от счастья.

Сбылась моя недостижимая мечта!

Я буду матерью!

Хотелось и плакать, и смеяться.

И еще лицо Стаса хотелось увидеть, который сказал, что не может «затолкать его обратно». Ну вот, смог же!

Сейчас, в этот счастливый миг сдать Натану?

Снова попасть в его руки, чтобы он отнял моего ребенка, не дал мне насладиться материнством?

Никогда!

— Что ты натворила? — брюзжала старуха. — Украла что? Мне не нужны тут мошенницы и проходимцы! Убежала? Так и беги дальше! И не надейся, что я тебя буду укрывать! Ведь когда герцог спрашивает...

— Ему можно и солгать, — грубо ответила старухе я. — Ничего я не крала, и никого не обманывала. А герцог просто хочет отнять мою жизнь. Так что ты совершишь благое дело, если меня укроешь.

— Забеременела против его воли? Работать не сможешь? — брюзжала злобная старуха. — Так это не мои заботы! Удрала — ну и беги прочь!

— Тебя забыла спросить, куда мне бежать, — шипела я, волоча бабку по зарослям.

Там, за молодым ивняком над ручьем, угадывалась соломенная крыша ее домика.

Кажется, раньше это была мельница.

Но водяное колесо сгнило и сломалось.

Вода подточила сваи, на которых стоял дом.

И теперь это была просто жалкая, обмазанная глиной лачуга.

— Не пушу! — шипела старуха, растопырив ноги и руки. — Мой дом! Не пушу!

Но мне нужен был кров и тепло.

Мне нужно было отогреть озябшие ноги, пока холод с них не перекинулся дальше в тело и не добрался до груди, вызвав воспаление.

— Я могу умереть, злобная и глупая старуха! — рычала я, волоча ее к дому.

— Да ты, верно, убийца! — ахнула она.

— Я — будущая мать! — прорычала я злобно. — Я замерзла и избита. И в любой момент могу потерять ребенка. Мне некогда слушать твои глупые причитания. Мне нужно тепло и чашка горячего чая. Неужто ты откажешься спасти две невинных жизни? Мою и нерожденного дитя?

— Да мне-то что за дело до твоего выродка? — вспыхнула старуха. — Хоть бы вы оба сгнули и сгнили!

Я ухватила ее за горло и встряхнула как следует, сама не ожидая от себя такой силы и жестокости.

Мои горящие глаза встретились с ее мутными старыми глазами.

— Если тебе нет дела до моего невинного дитя, — прошипела я, дрожа от ярости, — то почему мне должно быть дело до тебя? Убийца, говоришь? Так ты меня обозвала, старая дура? Я могу свернуть тебе шею и бросить тут, в кустах. И помирать ты будешь медленно, страдая от холода, боли, голода и жажды. Ну, что скажешь?

Глава 8

В домике было темно, сыро, неудобно.
Свисающие с потолка пучки засушенных трав цеплялись за голову.
Но мне на это было плевать.
Старуха обиженно жевала губами, сидя в углу, куда я ее определила.
Как чужая в своем-то доме.
На миг мне стало стыдно за свою жестокость и за грубость.
Сердце дрогнуло.
Бабка сидела, отрешенная.
Губы ее дрожали, старые глаза были полны слез.
Слова извинений уже готовы были сорваться с моих губ.
Но от холода заломило ноги.
Я закусила губу, чтоб не зарыдать в голос, и принялась торопливо ломать хворост, сваленный у закопченной печи.
— Это последние дрова! — выкрикнула бабка со своего места тревожно. — Сожжешь все сейчас, не на чем будет готовить еду!
И она залилась слезами от бессилия.
В моем сердце снова всколыхнулась жалость.
Вот же как бывает...
Пошла старая к воде, думая, что уснет от холода, тянущегося от ручья, и тихонько помрет.
А я своими появлением снова заставляю ее жить и мучиться.
Сил у нее уже нет собирать дрова, находить себе еду.
И до берега она, наверное, уже не дойдет...
Если я, забрав ее последние припасы, уйду, ей придется умирать тут. В этой темной сырой яме.
Страшно и одиноко.
Мучительно долго — от голода.
— Я принесу тебе еще дров, — ответила я, разжигая огонь и протягивая к разгорающемуся пламени замерзшие руки.
— Принесешь! — горько усмехнулась старуха. — А есть мы что будем? Кору жевать станем? Тоже принесешь?
Я только кивнула головой.
— Принесу. Только не плачь. И подожди немного.
Стуча зубами, я сидела на полу перед печью, растирая ноги, и чуть не воя от ломоты и одновременно от блаженства.
Как, оказывается, приятно тепло...
— Что ты ешь? — спросила я, оглядывая дом.
Точнее, и домом-то это назвать было трудно.
Одна большая комната, с печью и лежанкой рядом с ней.
У крохотного запыленного оконца — стол, колоченный из крепких досок.
Полки на стенах с нехитрой утварью. Горшки, чашки, плоски.
И много, много сушеных трав.
— Ты травница? Лекарка?
Старуха промолчала. Но я поняла, что моя догадка попала прямо в цель.
— Отчего же нищенствуешь?
— Раньше я могла выходить из леса на дорогу, — ответила старуха. — Там продавала свои корешки и травки. Теперь не могу. Сил нет. Ноги болят.

— Вылечить себя не можешь? — усмехнулась я.

Бабка озлилась.

Задрала ногу, стукнула своей палкой по неровно сросшейся кости.

— Могу! — зашипела она зло. — Видишь, вылечилась же? И пережила то время, когда встать не могла! Только...

— Ладно, ладно, не злись, — ответила я, перебивая ее горячие оправдания. — Теперь я буду твоими ногами и руками. В обмен на кров. Если разрешишь пожить у тебя.

Старуха усмехнулась.

— Будто тебе мое разрешение требуется!

Я кивнула.

— Не требуется, — спокойно ответила я. — Но не спросить невежливо. Не находишь?

Тепло от растопленной печи распространилось по комнате.

Я немного согрелась.

Тело уже не была болезненная дрожь.

Отыскав на полке старый закопченный чайник, наполнила его водой из кадки.

Сыпанула туда горсть красных сушеных ягод, похожих на калину.

Стала отламывать ветку от сушеного душистого веника трав.

И тут старуха, внимательно наблюдавшая за мной, вдруг сорвалась с места и с криком отняла у меня сухую ветку.

— К-куда!.. — ругалась она. — Не знаешь, что за трава — не бери! Это ж волченика! Одного листа хватит, чтоб ты померла!

— Спасибо, — тихо произнесла я. — Что не дала отравиться. Видно, не такая уж ты сволочь.

— Сволочь! — усмехнулась старуха недобро. — Это я-то сволочь? В жизни никому зла не сделала. Всех лечила. И не травила людей. И не смотрела, как те сами травятся.

— Меня не очень-то по-доброму приняла, — напомнила я старухе.

— Ты — дело другое, — сурово ответила она. — Беглая ты. Явно что-то натворила недоброе.

Бабка, ворча и хромая, тяжело прошла по домику, отрывая от висящих трав по веточке.

— Вот это завари, — велела она мне. — И согреешься, и хворь тебя не возьмет.

Она снова тяжело вздохнула и уселась в свой угол, наблюдать, как я буду управляться.

Я сыпала все травы в чайник, поставила его на огонь.

— Ты сегодня ела? — спросила я.

Старуха пожевала губами.

— И сегодня нет, и вчера нет, — ответила она. — Думаешь, просто так я почуяла, что смерть вот-вот ко мне придет? Нет. Никто по своей воле смерть-то не зовет.

Она опечалилась и замолкла, тяжело вздыхая.

Я ухватила рукой за шею.

Подаренное Натаном кольцо из редких рубинов было все еще на месте!

Через голову снять его не вышло б. Водой не смыло, как платье.

И замочек с цепочкой крепкие. Не порвались.

— Знаешь, где можно продать это? — стаскивая с шеи украшение, спросила я.

В свете печи рубины блеснули, как кровь.

Бабка сначала долго смотрела на камни, подслеповато щуя глаза.

А потом вдруг напугалась, всплеснула руками.

— Украла рубиновое ожерелье у герцога! — ахнула она. — Вот зачем он тебя ищет! Ты с ума сошла?! Продать это?! Погубить меня вздумала? Своей сообщницей сделать?!

— Я не крада, — огрызнулась я. — Он подарил мне его.

Но в словах старухи была доля истины.

Колье слишком приметное.

Рубины дорогие. По ним меня разом вычислят и найдут.

А вот мелкие бриллианты не такая уж редкость.

Конечно, дорогие, но ничем не примечательные.

Их можно продать.

— Подарил? — изумилась старуха. — Это кому же такие подарки герцог делает? Ты его любовница? Ах, потаскуха, бесстыдница!

Она закачала укоризненно головой.

— Я не потаскуха, — огрызнулась я. — Никогда ею не была. Я его жена.

— Жена?!

Это весть старуху напугала еще больше.

Она кинула разгоревшийся взгляд на мой живот и быстро спросила:

— И ребенок, стало быть, от него?

— Разумеется, — тихо ответила я.

— Так вот как ты выплыла в холодном ручье, — прошептала старуха, отшатнувшись то меня. — Это ОН тебя спас. Вынес. Жить хочет...

Вмиг ее лицо стало жутким, одержимым.

— От плода надо избавиться! — рыкнула она. — Срочно! Сейчас! Пока еще не поздно! Пока он мал!

Глава 9

Она заметалась по дому, испуганно бормоча что-то.

Даже палку свою бросила.

И теперь запинаясь об нее. Но внимания не обращала.

— Я помогу, я тебе помогу, — бормотала она, отыскивая какие-то травы. — И все будет хорошо... Вместе мы избавимся от этого чудовища, не бойся. Ничего не бойся!

Я так и остолбенела от этих ее слов.

— Что?! — осторожно переспросила я. — Убить дитя?! Да об этом и речи быть не может!

Я сама испугалась такой реакции старой ведьмы.

Прижала руки к животу инстинктивно.

Что, избавиться от ребенка?

Мечтать о нем, получить, наконец-то, возможность родить — и убить?

Да никогда этого не будет!

Старуха кинула на меня огненный взгляд через плечо.

— Ты же не из благородных, — ответила она. В ее голосе слышался страх. — Я это вижу. А понесла от герцога!

— И что же! — выкрикнула я, подскочив на ноги.

Клянусь, я бы огрела старуху кочергой, если б она посмела приблизиться ко мне со своим тошнотворным ядом.

Я чувствовала, как пахнут травы в ее руках.

Тонко, пряно и... тревожно.

От их аромата ужас накатил на меня волной.

Я почувствовала, как плечи сводит от желания ухватить что-то потяжелее и колотить бабку до тех пор, пока она не прекратит двигаться.

Но я сдержала этот порыв.

Только убийства мне не хватало!

Бабка испуганно замерла, уставившись на меня так, словно я одержима дьяволом.

— Это он тебе велит убить меня, — прошептала она в страхе.

— Не говори глупостей, — рявкнула я, скрывая свой ужас. — Ничего он мне не велит. Но если ты попытаешься напоить меня своей отравой, я тебе самой ее волю! Не тронешь меня — и я тебя не трону! От ребенка я избавляться не стану. И это не обсуждается!

Старуха всплеснула руками.

— Да что ж ты глупая такая! — ахнула она. — Ну, понятно — молодая, наивная. Но про мерзости, что творят аристократы, слышала?

— Не только слышала, но и видела, — глухо ответила я. — Отчего, думаешь, сбежала?

Старуха снова всплеснула руками.

— Так чего ж упрямисься-то? Думаешь, твой ребенок будет каким-то другим?

— Думаю, будет, — твердо ответила я. — Все зависит от воспитания. Каким человеком я его выращу, таким он и будет. Честным человеком. Тружеником.

Старуха снова покачала головой, не соглашаясь.

— Не-ет, — протянула она недобро, шуря глаза. — Дети аристократов в бедности не живут. Не выйдет из него ни ремесленника, ни торговца. Он свое все равно возьмет. Скорее, в разбойники и душегубы подастся. Кровь у него горяча будет. И воспитать его сможет только тот, кто сильнее. Этот ребенок — как норовистый конь. Почует слабинку, дрожащую руку — скинет. Да и убить сможет, если мешать ему будешь. Этого ты хочешь? Это же чудовище. Если ему будет надо, оно иссушит твоё тело и выпьет всю кровь.

Приплыли.

Я чувствовала, как меня трясет от этих слов.

Слова старухи так же ужасны, как вердикт врача, который находит у малыша в утробе матери уродство.

Несовместимое с жизнью или калечащее настолько, что лучше б малышу умереть.

И перед матерью встает ужасающий выбор.

Встал он и передо мной...

Мне хочется во все горло кричать: «Нет!»

А затем проснуться и очутиться дома, в своей постели, под боком у Стаса...

Только ты разве забыла, что с тобой сделал Стас?

Вот так мечта о материнстве разбивается об жестокую реальность?

Хотела сказать, выкрикнуть, что все это суеверия и легенды, страшные сказки, что передают из уст в уста.

Но каким-то шестым чувством понимала: не сказки.

Старуха правду говорит.

И мой ребенок родится если не безумным одержимым, то...

Таким же неуправляемым и жестоким, как Ивар.

И что я с ним буду делать?!

Свекровь позволяла Ивару вести себя так, как он пожелает.

Да и кто б ему слово сказал. Он же отпрыск старого герцога.

И совсем по-другому спросят с моего ребенка. С ребенка нищенки...

Но... предать? Убить его сейчас? Вытравить?

«Это он тебя спас. Вынес. Жить хочет», — прозвучали в ушах слова старухи.

И я приняла решение тотчас же. Словно в омут с головой бросилась.

— Значит, буду сильной, — ответила я резко. — Ты сама сказала — он меня спас. Спасителя своего убить в благодарность? Нет.

— Ну а если он вздумает разыскать своего отца? — не унималась старуха. — Это не тот человек, то которого ты сможешь сказочками об умершем муже. Это отродье чует родных. И никакими побоями ты его с дороги не свернешь! Только если он будет чутать твою силу и принимать ее крепче своей. Но как ты, маленькая глупая девчонка, сможешь с ним управиться? Герцогский ребенок! Наверняка он и физически будет сильнее тебя. Ох, наполучаешь ты оплеух и тумаков от своего отродья!

— Управляюсь, — процедила я, упрямо сжав зубы.

— Да пойми ты! Это будет не тот человек, с которым ты сможешь жить в тишине и покое! Он всегда будет на виду! Он выдаст тебя, по нему тебя и найдут, и накажут!

— Думаю, когда это случится, когда он вырастет, я буду уже не просто запуганной девчонкой, — ответила я. — И смогу за себя постоять.

Старуха снова поморщилась.

— С твоим украшением, — произнесла она с сожалением, — ты, может, и разбогатеешь. Наверняка разбогатеешь, если тебя покупатели не обманут и не убьют. Только этого мало. Для него — этого будет очень мало!

— Значит, придется добиваться большего, — упрямо ответила я.

— Хваткая, упрямая, — пробормотала старуха. — Ну а с магией, что течет в его жилах, ты как справишься? Что делать будешь?

Я опешила.

— С какой магией?

— Ну да, с магией. Тебя что, не удивляет, что крохотный человечек внутри тебя сумел спасти тебе жизнь? Вынес из бурного холодного течения? Это, считаешь, ничего не стоит?

— Я ничего не слышала о магии аристократов, — пробормотала я.

— Они и сами, наверное, уже не слышали. Или не говорят о ней. Только она есть. И недобрая, ох, недобрая! И неуправляемая. Аристократы ведь чудовища. Кто знает, что за существа отплеснули им эту магию в кровь? Безжалостные, хитрые... Разве ты не знала?

Я глубоко вздохнула, стараясь успокоиться и унять сильно бьющееся сердце.

Зачем она пугает меня?

Впрочем, она и сама напугана.

Ей ведь предстоит жить со мной под одной крышей.

Со мной и с тем, кого я ношу во чреве...

— Я все равно оставлю его, — решительно ответила я. — Понимаю, это большой риск. И если ты сейчас велишь мне уйти, я пойму. И уйду. Только отогреюсь. Но ребенок во мне безвинен. Убивать его? И чем тогда я буду лучше тех чудовищ, о которых ты толкуешь?

Старуха покачала головой.

— Это опасно, это очень опасно! — застонала она. — И отчего ты так упряма? Сильно мужа любишь? Даже убежав от него, все равно любишь?

Я опустила взгляд.

Сердце мое сжалось от боли снова.

Я припомнила, как Натан ласкал Иду.

Как деловито обсуждал с ней мою смерть, и душу словно тупым ножом резали.

Мучительно, долго, безжалостно.

Так больно, что хотелось орать и вырываться из плена этих воспоминаний.

Но этим же самым ножом не только калечили мне душу.

Любовь мою к Натану отсекли надежно и полностью.

— Нет, — ответила я твердо. — После того, что он сделал... после того, как узнала все... Больше не люблю. А вот ребенка люблю. Только его. Хочу его больше жизни.

— Что ж, — вздохнула старуха. — Надеюсь, он припомнит тебе эти слова и твою любовь. Только что ты станешь делать, если он подавит твою волю и всю станет тобой вертеть? Будто ты и не человек вовсе, а кукла на веревочке? А потом родится и отторгнет тебя, как ненужное?

Глава 10

— Да что ты заладила, — голос мой окреп. — Он еще не родился и не сделал ничего дурного, а ты его уже готова изничтожить! Рот-то закрой! С герцогиней разговариваешь все-таки! Вот передумаю, вернусь к мужу и расскажу, как ты тут его ребенка убить хотела. Попляшешь тогда, — пригрозила я.

Но, разумеется, я бы так никогда не поступила.

Ни за какие блага мира я не вернусь к Натану.

Даже если он раскается.

Даже если он одумается и захочет принять меня как жену...

Впрочем, не одумается, одернула я себя.

«Не смей даже на секунду думать о нем так хорошо! Ни на миг! Он не заслуживает доверия! Не верь никому — и тому, кто предал, в первую очередь! Никогда не верь!»

— Вот как заговорила! — бабка, вопреки моим ожиданиям, не испугалась.

Чуть не в драку полезла.

Она так же, как и я, чувствовала: герцог Ла Форс — это не тот человек, который примет на помощь и станет защищать меня от врагов.

Скорее, затравит собаками и потопит в болоте.

— Из простых, а гонора как у благородной! Оттого герцог тебя и взял, что ты с ним одного поля ягода! Такая же кровопийца, как и он! — вопила старуха.

— И много я у тебя крови выпила? — едко осведомилась я.

— Давай, тащи меня на плаху! — кипятилась старуха, наскакивая на меня как драчун-воробей. — Повеселитесь с муженьком-кровопийцей!

Однако, я осталась спокойна.

— Вот уж нет, — насмешливо ответила я. — Дай-ка лучше мне юбку какую. Есть у тебя?

— Это еще зачем? — опешила старуха. И даже кидаться на меня перестала.

— Ну, есть ты хочешь? — деловито спросила я. — Так я бы сходила за едой. А голышом, извини, я не могу.

— Ах, еда-а, — слабым дрожащим голосом протянула старуха.

Ее старые мутные глаза наполнились слезами.

Она наверняка подумала, что, получив одежду, я просто убегу.

Но отчаянная надежда все же горела в самой глубине ее глаз.

Такая отчаянная, что граничила с болью.

И мне стало ужасно стыдно за то, что я так грубо себя с ней веду.

Старая, голодная, больная женщина...

Кого я тут собираюсь запугивать? Над кем пытаюсь показать власть?..

— Давай, давай, — уже мягче подбодрила я ее. — Сейчас чай допью, и пойду. И ты попей, укрепи силы.

— Да куда ж ты пойдешь, — уныло проскрипела она. — Здесь слуги с чашками под кустами не расставлены.

— Я не из благородных, забыла? — весело подмигнула я ей. — Знала времена и похуже. Так что не сомневайся, с голоду не умрешь.

Я лукавила; времен похуже я не знала.

Но, имея двух старших братьев и прожив большую часть своей жизни в деревенском доме, я умела лазать по деревьям и находить нехитрую еду в лесу.

Бабка, наверное, тоже умела.

Просто сейчас сил у нее не было совсем.

— Тебя звать-то как? — спросила я, допивая чай с раскисшими ягодами.

— Марта, — буркнула старуха. — А ты, стало быть, герцогиня Никаниэль Ла Форс?
Я только покачала головой:

— Не зови меня так. Мне это имя больно слышать.

«А еще я не Никаниэль никакая», — добавила я про себя.

И тут же удивилась.

Странно; я точно знала, что Никаниэль, юная красавица-жена герцога Ла Форс, умерла.
А я — Вера.

Только вот воспоминания Никаниэль, ее знания, умения крепко переплетались с моими собственными воспоминаниями. Так крепко, что я не могла ни отделить, ни забыть их.

Это сводило с ума.

Я помнила одновременно и то, как в семь лет я пошла в первый класс с цветами и огромными бантами.

И то, как промозглыми вечерами, промокнув под холодным сентябрьским дождем, таскала тыквы с огорода в «господский дом».

Так называл свой дом отец Никаниэль...

«Лучше об этом не думать, — решила я. — Не то можно сойти с ума!»

Нацепив старухину синюю юбку и ее стоптанные башмаки, я осторожно выглянула из дома.

Вокруг шумел свежий лес.

Лето только начиналось, листва была яркой и ароматной.

За густым ивняком плескался ручей.

В ветвях щебетали птицы.

Вот в этот ивняк, на самое старое развесистое дерево, в поисках птичьих яиц, я и полезла.

Нужно особое умение, чтоб найти гнездо, похожее на комок старых сухих листьев или травы.

Только свист обеспокоенных птичьих родителей, носящихся над моей головой, подтверждал, что я на верном пути.

— Вы мне еще спасибо скажете, — бормотала я, выбирая из крошечного гнезда с голубыми яйцами одно — большое, пестрое. Кукушачье. — Не то этот кукушонок всех ваших детей извел бы...

Сказала — и снова на ум пришли старухины страшные слова о моем ребенке.

Крепко сжала зубы, чтоб не разреветься и не впасть в истерику.

Я ведь хотела ребенка!

Всей своей душой!

— Слышишь? — прошептала я, замерев на дереве и переводя дух. — Ты меня слышишь? Я хочу тебя родить. Я хочу, чтоб ты жил. Всем сердцем хочу. Хочу, чтоб ты был счастлив. Чтоб рос красивым и сильным. Здоровым. Чтоб прожил хорошую жизнь... такую, чтоб никто не посмел бы тебя сравнить с кукушонком! Только живи... Я очень тебя жду!

Я прижалась лбом к шершавой коре, и с минуту молчала, переживая, когда уймется шум в ушах.

Спазм перехватил горло так, что я некоторое время не могла проглотить и небольшой глоточек воздуха.

Это было больше, чем слезы.

Это было отчаянное желание докричаться до того крохотного существа, что теперь жило во мне.

Верит же старая Марта, что он уже обладает разумом и силами, если спас меня?

— Я так хочу любить тебя, — прошептала я снова. — Так хочу, чтоб ты родился мне на радость. Я сделаю все, чтобы ты не озлобился и не стал избалованным безумцем. Я постараюсь. Но и ты... постарайся. Ради меня. Ради твоей матери.

Сколько времени я провела на дереве, я не знала.
Когда отошла от слез и тяжелых мыслей, продолжила искать яйца.
Это тоже нужно было уметь — найти свежее, не насиженное яйцо.
Без птенца внутри.
Оно должно быть матовым и чуть шершавым.
Насиженные — гладкие, глянцевые. Как восковые.
И в яичницу они точно не годятся!
Эти воспоминания принадлежали Нике.
Еще вспомнилась мне цветущая рябина, сильный холодный ветер перед грозой, тормозящий деревья, и крики братьев.
Хм. Хм. Интересно, а у родителей Натан искать меня будет?
Или все же поверит, что я утонула?
И доктор — доктор-то знает, что я беременна! Осмелится ли он признаться, что умолчал о моем положении?
Думаю, нет.
Натан сейчас рвет и мечет.
Доктор не сунется ему под руку, пока он в таком состоянии. Не осмелится.
Ведь если б не его молчание, сейчас все было бы по-другому.
Скорее всего, прием был бы перенесен в дом.
И я бы не ускользнула с такой легкостью.
Доктор не может этого не понимать.
Думаю, он будет молчать... И Натан не узнает о моей беременности.
По крайней мере, от него.
Ивар? Проговорится ли Ивар?
Тоже нет.
Тогда ему придется признаться, что именно он меня отпустил.
Не думаю, что этот хитрый скользкий лис признается, что мог меня удержать, но не сделал этого.
Нет.
Натан о моей беременности не узнает.
И если и будет что искать, то лишь рубиновое кольцо на моем трупце.

Скоро карманы старухиной юбки были наполнены кукушачьими яйцами.
Штук семь, и то и все восемь! Не так уж плохо.
Осторожно я спустилась с дерева в траву, стараясь не разбить драгоценную добычу.
Отойдя от ив чуть дальше, забралась глубже в лесок.
У осин накопила грибов, с крепкими пестрыми ножками, с красно-коричневыми яркими шляпками.
Выворачивала из мха все подряд, и мелкие, как пуговицы, и большие, со шляпками с ладошку. На похлебку сгодятся!
И тоже рассовала их по карманам.
По всем приметам нашла куст со съедобными корешками.
По виду — ну чисто серая морковь. На вкус же как картофель.
И такие же сытные.
Жаль, что выкопать удалось всего три корня. Куст был совсем маленьким.
Ну, не бог весть что, но старуху накормить можно.
Возвращаясь к дому, еще наломала добрую охапку дров в валежнике.
Прутья были сухие, ломались легко.
Гореть будут жарко.

У самой избушки я услышала жалобный вой Марты и чуть не грохнулась, поспешив к ней и запнувшись на кривой лестнице.

Она сидела у печи, с кружкой нетронутого чая, и выла, заливаясь слезами.

— Ты чего?! — испуганно выдохнула я, бросая хворост у порога.

— Испугалась, — жалобно и тихо прошептала старуха. — Думала, ты меня одну оставила. А у меня сил уже нет выйти... Думала, тут и задохнусь. Страшно, темно...

— С ума сошла?! — рявкнула я. Хотя сама чуть не взвыла.

От Марты просто веяло безнадежностью и отчаянием.

Она была такая беспомощная, что я снова устыдилась, что пугала ее и ругалась с нею.

— Я же обещала вернуться, — твердо ответила я. — А темно — так вечереет.

— Тебя долго не было, — шепотом ответила Марта. — Спасибо, что вернулась. С тобой не так страшно... помирать.

— Опять помирать?! — взвилась я. — Да что ж ты за человек такой!

Марта вздохнула.

— Без еды умирают все, — заметила она.

— Ты как ребенок! — возмутилась я. — Зачем эти мрачные слова? Зачем слезы? Могла бы просто спросить, раздобыла я что-то или нет.

— Боюсь, — сквозь слезы призналась Марта. — Спрошу, а ты скажешь — нет. И как подумаю об этом, так такая тоска берет...

— Я скажу «да»! — твердо ответила я, выкладывая на стол грибы, коренья и яйца. — Ну-ка, где у тебя сковородка? Будем жарить яйца!

Глава 11

Разумеется, жарить яйца нам было не на чем. Сало, если таковое и было, старуха приела все.

Вся посуда Марты тоже оказалась очень чистой, сухой.

Ни капли масла. Ни жириночки.

Думаю, когда настал голод, бедняжка вылизала сковородку даже от старого жира.

Ну, ничего.

— Тогда сварим, — улыбнулась я, глянув на растерянное лицо старухи. — Соль-то у тебя найдется?

Марта закивала.

Нашлась и соль, и перец.

И кое-какие приправы.

Пучок свежего, но чуть подвявшего укропа.

Я выбрала самый чистый самый красивый котелок из обожжённой красной глины.

Он был похож на крепкую шляпку боровичка. И от одного взгляда на него аппетит разыгрывался.

В котелок плеснула воды, принесенной из ручья.

Сполоснула, отмыла от перьев и прилипших комочков грязи пеструю скорлупу. Осторожно сложила в горшок яйца.

Наломала принесенного хвороста, затопила пожарче печь.

Печь, несмотря на старость, была хорошая.

Не дымила, не чадила. Жар от нее был сухой, чистый.

И скоро тепло наполнило весь дом.

Да так сильно, что глиняные стены начали потрескивать, подсыхая.

Видно было, что старуха намаялась, наголодалась и намерзлась одна, в сыром темном доме.

Пока я возилась с ее посудой, ставила яйца вариться, она уселась поближе к пылающему огню и протянула озябшие руки к жару.

— Шустрая, сильная, — пробормотала она, поглядывая на меня и потирая ладони. — Сразу видно, не из благородных. Хоть и гладкая.

— Жить-то мы с тобой как будем? На что? — рассмеялась я. — Сорочьи яйца не вечны. Надо придумать что-то посерьезнее.

Пока готовились яйца, я взяла еще котелок, побольше.

В нем решила сварить похлебку с грибами.

Прежде всего нужно было перемыть грибы, очистить их от прилипшей хвои и листьев.

В воде их шляпки походили на круглые блестящие красноватые камешки.

Потом я срезала грязную часть ножки со мхом, нарезать грибы на кусочки и поставить варить.

Чуть посолила, сыпанула душистого перца. Кинула листик ароматного дерева.

Быстро накрошила немного зеленого свежего укропа — кинуть в похлебку.

Словом, возни много.

Старуха в ответ на мой вопрос безучастно пожала плечами, наблюдая за моими хлопотами.

— Но у меня нет ничего, кроме этого клочка земли и моих трав, — горестно ответила она.

— Ничего? Дом и колесо мельницы — это, по-твоему, ничего?

— А что от него толку? Оно давно сломалось. Батюшка мой мельником был. Очень уж хорошую муку молот. Лучше всех. Секрет какой-то знал, наверное. За это старый герцог пожаловал ему этот кусок земли, воду, лес... Сорок шагов на все стороны.

— Да это же очень много!

— Наверное. Меня этот кусок земли кормил всю жизнь. Но вот стара я стала. Не могу больше по лесу карабкаться.

— Так я стану твоими руками и ногами, — рассмеялась я. — Буду собирать травы да продавать вместо тебя! Вот и прокормимся.

Марта только головой покачала.

— Рук и ног мало, — ответила она. — Нужно бы еще и голову. Нужно знать, какие травы собирать. В какое время, и как брать. Я бы научила тебя, но, боюсь, нет у меня времени. Да и сил тоже. Это же надо показать, найти... Не смогу я.

— Это ты так говоришь, потому что голодная, — беспечно ответила я. — Яйца-то, поди, готовы?

Я сняла котелок с огня, окатила кипящие яйца холодной водой.

Можно было б, конечно, подождать, пока они остынут.

Но Марта была так голодна, что нетерпеливо выпарапала одно яйцо большой ложкой и поскорее разбила его скорлупу.

Еще дымящееся, торопливо очистила, обжигая пальцы.

Чуть посолила и впилась в него, постанывая от удовольствия.

— Ешь, ешь, — сказала я, подкладывая ей еще парочку яиц.

Однако, слова старухи пребольно царапнули мне сердце.

Она и правда стара и слаба.

Долго ли проживет? Надолго ли хватит запаса ее трав?

Кто знает.

И куда я потом, после ее смерти? В доме ее остаться? Так кто ж позволит. Небось, разыщут меня тут, как прознают, что хозяйка умерла.

Или выгонят, или прибудут.

Да и одной в миру страшновато оставаться.

Родной человек, с которым хоть просто поговорить можно, должен быть у каждого.

— Знаешь что, — проговорила я, очищая найденные корешки от толстой шкурки. — Давай-ка я схожу, продам твои травы. Немного денег выручим, я закуплю кое-чего для хозяйства. А потом к своим родным схожу. Небось, не прогонят меня? Помогут? Хоть немного денег, да дадут. Мы с тобой эту землю продадим, домик в городе купим. И заживем спокойно.

Марта подозрительно покосилась на меня.

— Если тебе родня поможет, — произнесла она, — то я-то тебе тогда зачем? Ты и без меня справишься.

Я вздохнула.

— Родня-то моя тоже не особо богата, — пробормотала я стыдливо. — И даже если помогут, то сколько мне ждать, пока они деньги найдут? Недели две? Месяц? А жить-то я у тебя буду. Под твоим кровом. Ну, а если повезет, и дом куплю, то как не отплатить тебе добром? Как в этом болоте оставить?

— А чего ж ты обратно в семью не вернешься? — спросила Марта.

— Ах, зачем ты спрашиваешь!.. Знаешь же — я сбежала. Герцог искать меня станет. Разве могу я их подвергнуть опасности? Герцог найдет — отомстит страшно. Нет, я не могу так с ними поступить.

— А со мной, стало быть, можешь?

Я горько усмехнулась.

— У тебя искать не станут.

Глава 12

Похлебка получилась отменной. Хоть и без мяса.

Корешки разварились, ну точь-в-точь как картошка. Суп забулькал, лопаю с чавканьем пузыри густого варева.

Запахло приправами, да так вкусно, что слюнки потекли.

Грибы придали похлебке лесной аромат и тонкий приятный вкус.

А мелко порубленная свежая зелень украсила наше незамысловатое варево.

Марта, хоть и поела до этого яиц, а все же с жадностью накинулась на этот суп.

Я ее миску наполнила до краев, и она ела торопливо, не дожидаясь, пока остынет, обжигаясь.

Я свою порцию яиц отложила, не стала есть.

Я не так голодна, как Марта. Ей нужнее.

Уснула она, не доев и не дождавшись чаю.

Прямо за столом, так и сжимая ложку в темной натруженной руке.

А я, заварив снова чаю из ягод, накрыла ее старой шалью и уселась за столом, подумать, как быть дальше.

Тяжелые мысли одолевали. Хотелось ухватиться руками за голову и бежать, бежать прочь.

Только вот куда?

Может, мельницу восстановить?

Я осмотрела висящие под потолком хижины травы и сухие корни.

— На это не то, что мельницу, — пробормотала я, — даже этот домик не восстановишь.

Все же, придется просить помощи у родных.

Но идти к ним не хотелось... по ряду причин.

Мать, когда выдавала Нику за Натана, была очень счастлива.

Такой гордой я-Ника ее никогда не видела.

Эти воспоминания жгли меня, слепили.

Для нее породниться с герцогом было большой честью.

А если я явлюсь к ней сейчас...

Реакцию ее боюсь предугадать. Кричать — это самое малое, что она будет делать.

Вероятно, попробует поколотить меня.

Но одно я знаю точно: мое скромное приданое, что она собирала, герцогу она не отдала. Да какое там приданое — он сам за меня заплатил. Дорогими подарками, украшениями и платьями.

Так что я вправе потребовать свое приданое. Оно мое. Мне предназначено.

На первое время, чтоб не умереть с голоду, хватит. А потом посмотрим.

Тяжело вздохнув, я поднялась.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, решила немного прибраться.

Ведь жить в таких условиях невозможно.

А еще и беременность...

Эта мысль окатила меня словно кипяток.

Ребенок!

Ему-то в сырости, грязи и холоде и вовсе жить нельзя!

К тому же, мне не пустой похлебкой с грибами надо питаться, а хорошими и свежими продуктами!

— Значит, надо постараться и выбраться из этой нищеты!

Марта у стола храпела, раскрыв рот.

Я сняла свое роскошное ожерелье из рубинов, вынула из ушей серьги.
Оторвала от юбки лоскут, завернула драгоценности и припрятала их за потолочной балкой. Там надежнее будет.
От ручья притащила ведро воды. Часть ее плеснула в большой котел — греться.
А сама принялась метелкой из лесных веток выметать сор и пыль из дома.
Обмела все стены и потолок, убирая паутину и пристроившихся там пауков.
Щеткой тщательно соскоблила всю въевшуюся в стены пыль, копоть от печи, золу.
Саму печь тоже тщательно обмахнула своим веником. Почистила оранжевую кирпичную кладку щеткой. Смела золу и обломки дров.
От старости кирпичи стали округлыми, как свежесвеженные буханки хлеба, утратили острые углы и края.
Они были нагреты, и касаться их руками было приятно.
— Побелить бы, — пробормотала я, сгребая мусор в большой совок. — Ну, да не все сразу. Потом обязательно побелим!
Вымела сор из всех углов, с деревянного пола, — солому, обломки сухих трав, — и кинула в печь.
Вода в котле закипела, я долила ее в ведро с холодной водой.
Снова оторвала от юбки небольшой лоскут ткани и плеснула горячей воды на подоконник.
— Сейчас здесь будет светло и уютно...
Пока намывала окно, протирая на десять раз стекла, проснулась Марта.
— Что это ты такое творишь? — подозрительно спросила она.
— Разве не видишь — мою твой дом, — весело ответила я.
— Ох, — Марта всплеснула руками. — Давненько у меня чисто не было...
— Ничего! Сейчас будет! — пообещала я. — Раскрой-ка дверь пошире, пусть проветрится.
— Тепло все выдует, — сварливо зашпорила Марта.
— Еще натопим. Я присмотрела большую кучу валежника. Позже схожу туда, нарублю дров.
Окно я отдраила так, что оно засияло на солнце.
Деревянная рама оказалась из черного благородного дерева с красивыми разводами. На широком подоконнике можно было б горшки с цветами ставить.
Закончив с окном, я переместилась на стол.
Убрала грязную посуду, развела немного щелока и плеснула на столешню.
— Сейчас отмоем так, что будет как новенькая!
Марта неуклюже засуетилась.
— А я-то, — бормотала она. — А мне-то что делать?
— Ты знаешь что, — я даже остановилась, перестала яростно тереть щеткой стол. — Собери-ка в корзинку травки. Да каждую увяжи в тряпицу! Потом скажешь мне, где какая, я подпишу. И завтра пойду, продам их.
— Ох, да мало их, мало! — бормотала Марта, снимая сухие травы.
— Может, покажешь, какие травы можно сейчас рвать? Я б сходила, набрала еще.
— Ну да, можно и нарвать, — ответила Марта, копошась в корзине.
Я оттерла стол, лавку, старый деревянный стул, похожий на трон, сколоченный из серых досок.
С мелким песком помыла пол, несколько раз сбежав к ручью за водой.
И тот оказался не серый, а приятного коричневого цвета.
Доски были покрашены крепкой морилкой.

Старый протоптанный порог я мыла особенно тщательно, через порог выбрасывая вон все беды. Примета такая.

Обмела его щеткой, все щели повымела. Промочила водой со щелоком и тщательно промыла чистой водой.

И в доме стало очень хорошо.

Свежо, а не холодно.

Я перемыла посуду в кадке под окном. Всю. Даже ту, которой мы не пользовались, и которая, судя по всему, стояла и пылилась на полке давно.

Отыскав старенький топор Марты, сходила к валежнику и нарубила огромную охапку сушняка. Перевязала ее веревкой, взвалила на спину и почувствовала, что тяжело.

Немного надавило на живот.

Но новое тело было крепким.

Я с радостью отметила, что не почувствовала ни единого знакомого признака, который говорил бы о выкидыше.

Я просто сильнее ощутила свою... наполненность.

Именно так.

Теперь я почувствовала себя полноценной женщиной.

— Ого, — усмехнулась я. — Надо бы побережься. В следующий раз это будет вязанка полегче.

Я неторопливо вернулась в домик, где поджидала меня Марта.

Старуха сидела у выскобленного стола, сложив руки на коленях, и чуть не плакала.

— Ну, что теперь-то? — удивилась я, скидывая вязанку у печи. — Замерзла? Сейчас разведем огонь, согреешься. Да не так уж холодно теперь. Просто свежо.

— Я думала, — еле вымолвила старуха, — что ты меня оберёшь и бросишь. Думала — последнее отнимешь. А ты вон обо мне заботишься...

Дальше она не смогла говорить. Слезы ее душили.

— Ну что ты, — и мой голос дрогнул. — Как это — оберёшь? Я же сказала, что за кров над головой отплачу. А если что и возьму, то заплачу за то. Работой или деньгами, но отдам. Я же не вор, и не разбойник.

Марта только рукой махнула и слезами залилась.

— Что ж ты плакса такая!

Я обняла ее и почувствовала, как она вздрагивает.

— Ну все, не плачь. Давай лучше травами займемся, — сказала я как можно более беззаботно. — Завтра ведь мне с ними на рынок идти!

Глава 13

Ночь я спала как убитая.
На голой лежанке, без перин и мехов.
А поутру проснулась, чуть свет.

Марта уже хозяйничала у печи, растапливала ее, подкладывая в огонь нарубленный хвост.

— Одевайся давай. Я там отыскала одежду посвежее, тебе как раз подойдет. Сейчас поедим, — оптимистично сказала она, поставив на огонь котелок с остатками грибной похлебки, — и пойдем травы наберем. Сейчас в силу входит одна травка, для женщин очень полезная. Красоту вернуть, женское здоровье поправить. Ее много растет. Нарвем ее, с нею и пойдешь.

— А ты сегодня настроена куда веселее, — ответила я, поднимаясь. — Вчера говорила — не смогу, не дойду. А сегодня первая рвешься в лес!

— Так на сытое брюхо всегда веселей живется! — засмеялась Марта. — Силенок после еды прибавилось! Чего б и не сходить в лесок!

Пока я надевала ее старое, но опрятное платье и заплетала косы, Марта накрывала на стол и заваривала чай из остатков ягод.

Остатки разогретой похлебки мы поделили поровну.

Она пахла еще вкуснее, чем вчера, стала гуще, ну, чистая каша.

— Жаль, хлеба нет, — посетовала Марта, разливая по чашкам жирно чавкающее горячее варево. — Ну, да ладно. Будет еще.

Яйца я хотела отдать Марте, но она тоже их поделила и придвинула мне.

— Ешь, — строго сказала она. — Теперь тебе нужно.

И она стрельнула глазами на мой живот.

— Спасибо, — с теплом произнесла я.

Все-таки, Марта смирилась с моим решением оставить ребенка.

Приняла — если не его, то меня.

После завтрака я занялась уже собранными для продажи травами.

Они были аккуратно увязаны в тряпицы, пучками.

Я на тряпочках только написала угольком, какая трава от чего.

— Это вот от ломоты в костях, — диктовала Марта, — а эта от судорог. А вот с этой аккуратнее. Это яд. Крыс хорошо травить, да опрыскивать грядки от личинок.

Мы все аккуратно сложили в большую корзину, с которой Марта раньше ходила на рынок.

— Ну, теперь за новой травой идем! — нетерпеливо скомандовала Марта. — Лопатку вон прихвати, там с корнем требуется выкопать. И вот эту корзину возьми, маленькую. Сразу-то много корней не возьмем.

— Почему? — удивилась я. — Ее мало? Она редкая?

— Не редкая, — ответила Марта, прихватив свою палку. — Но не всякий куст подойдет. Нужно, чтоб он был здоровый и сильный. Червями не поточенный. Иначе какое он здоровье даст, если сам нездоров?

Марта, несмотря на слабость, тоже взяла корзинку.

— Кореньев съедобных накопаю, — бормотала она, неспешно шагая по тропинке. Я подерживала ее под руку, и Марта почти не вспоминала о своей хромоте. — Да, может, тоже грибов найду...

Грибов, и верно, было много.

Марта указала мне на нужное растение. Аккуратно выкопала его с корнем, подробно рассказала мне обо всех приметах, по которым нужно было решить, что оно годно.

— Это девичий пояс, — стряхивая жирные черные комья земли с корешка, сказала она. — Стоит такой корешок пять медяков. Если свежий и крепкий, то и все семь. Сегодня тринадцатый день лета. Рассвет красный. Как раз хорошо брать эту травку. Видишь, какие листья у нее сочные, зеленые, с красными прожилками? Сейчас это растение из земли всю силу берет. Для себя. Не для цветов. А значит, и поделиться ею может. Ну, копай такие же!

Я и принялась копать.

А Марта, охая, побрела вдоль ручья.

В траве и под листьями прятались яркие шляпки грибов, крепких и свежих.

Их-то рвать много сил не нужно.

И она увлеклась их поисками.

Я же со своей лопаткой и корзинкой спустилась прямо к воде.

На берегу, во влажной илистой почве, эта трава росла особенно пышно.

Прожилки на стеблях и зеленых листьях были прямо-таки багровые, налитые силой.

Я аккуратно подкапывала растения, отряхивала их от земли и тут же, в ручье, ополаскивала их.

А затем складывала в корзинку.

Припоминая слова Марты о том, что чем сильнее куст, тем дороже он стоит, я выбирала самые крепкие. И по моим подсчетам, накопила я на тридцать пять -пятьдесят медяков.

Это же почти половина серебряного!

Значит, и хлеба можно будет купить, и масла. И, наверное, немного круп...

— Это кто же тут такой сладенький ножки полощет?

Я задумалась, размечталась.

И потому чужих осторожных шагов не заметила.

А когда заметила, было поздно.

Испуганно вскрикнув, я обернулась на голос.

На меня наступала пара мужчин.

Самого неприглядного вида.

Одетые в какие-то обноски, словно мужчины были то ли слугами у не особо богатого человека, то ли разбойниками.

Их физиономии были темные от загара и сальные.

Глазки так и бегали. В широких мерзких улыбочках не хватало многих зубов...

— Ты смотри, какая чистенькая, какая гладкая, — проговорил один из них, ступая за мной в воду. Ну, точно курицу загоняет! — Чисто горлица. Такую б попробовать...

Второй не стал осторожничать.

Грубо плюнул на землю.

— Сейчас и попробуем, — бросил он.

И двинулся ко мне более чем решительно.

— Не троньте меня! — взвизгнула я, белея от страха и загоразиваясь корзинкой. — Как вы смеете!

— Смеем, смеем, — усмехнулся первый.

— Если баба шляется одна, без мужа, значит, она ничья, — грубо поддакнул второй. — Ты кто такова, откуда? По лесу блудишь? Значит, удрала от господина.

— Сейчас мы тебя нака-ажем, — радостно протянул первый, хватая свою рубаху и порываясь ее стянуть.

— Не смейте! — проверещала я снова, отступая глубже в ручей.

Но они, поднимая тучу брызг, влетели в воду.

Цепко ухватили меня за руки, да так, что у меня дыхание перехватило от боли.

— Идем-ка сюда, красотка, — радостно шипели они, волоча меня, упирающуюся, на берег.

— Ироды! — из кустов появилась Марта, размахивая своим костылем. — Что вы делаете, негодяи?! Это внучка моя! Приехала помочь мне, старой женщине! Из города! Ни от какого господина она не сбегала! Я тут госпожа! Над этим куском земли я госпожа! На сорок шагов вокруг!

— Ты кто еще такая, старая жаба, — цыкнул один.

Он и меня держал, и Марту отпихивал, которая, уронив корзинку с грибами, нещадно колотила его палкой.

— Я мельникова дочь! — орала Марта. — Травница! Да пустите же ее! Она... беременна! Разбойники заготовали.

— Беременная, а мужа не видать? Значит, всем дает! Тащи ее на полянку, в траву! Сейчас и нам даст!

От ярости, от этого грязного оскорбления я что есть сил вцепилась в вонючую волосатую руку насильника зубами.

На губах появился солоноватый привкус его крови.

— Стерва, кусается!

Разбойник вlepил мне оплеуху, от которой перед глазами моими стало темно.

Я обмякла, руки мои разжались, и корзинка с добычей вывалилась на землю.

Марта с воплем кинулась на помощь, вцепилась в разбойника старыми руками.

Но ее он просто отпихнул, словно она была пушинкой.

И та завалилась в кусты.

«Ну, недолго же ты жила в этом мире», — обреченно подумала я.

Разбойники уронили меня на твердую землю. Я пребольно стукнулась затылком, и сознание мое поплыло.

Вместо обжигающего ужаса накатилося какое-то странное безразличие.

Грубые руки терзали мою одежду, задирали юбки и больно, жадно, до синяков, стискивали колени и бедра.

— Негодяи! — кричала где-то Марта.

Тяжелое, вонючее, потное тело навалилось на меня.

И свет померк перед глазами...

Глава 14

Очнулась я от того, что сильнейший удар сбросил разбойника с моего тела.
Он визжал и крутился в кустах, как раненный пес.
Второй рядом со мной стоял и кланялся чуть не до земли, странно смирный.
— Что тут происходит? Прекратить немедленно!
— Так вот... девка, ваша милость. Шалава местная. Хотели побаловаться, кто ж знал, что она драться и кусаться начнет? Дьяволово отродье...
Я подскочила. Натянула на колени ветхую юбку.
Запахнула на груди порванную рубашку.
И взглянула на нечаянного спасителя.
Только спасителя ли?..
На огромном, черном, как смоль, жеребце по берегу ручья гарцевал темноволосый мужчина, разодетый в бархат и шелка.
Он был высок — и конь ему под стать.
Черный, с блестящей шкурой, с роскошной гривой, вычесанным хвостом и отполированными копытами.
Седло богатое, из хорошей крепкой кожи, украшенное перламутром и серебром.
И хозяин такой же. Одет дорого, богато. Полон темной, тяжелой силы.
Сильный, высокий и красивый мужчина. Привыкший повелевать.
По всему видно, богатый.
Очередной аристократ!
Его внимательные темные глаза так и прожигали меня взглядом.
Я едва сдержалась от того, чтоб не зарычать, как зверь, от ненависти.
Злость затопила мой разум.
Конечно, кто еще, кроме слуг аристократа еще вообразить, что им можно все, что угодно?!
Кто еще может ухватить первую попавшуюся женщину?
Только они, зная, что хозяин заступится.
Позволит глумиться. И даже убить.
Наверняка он сейчас послушает жалобы своих слуг, посмеется надо мной, над моей ветхой одеждой, и снова натравит своих слуг на меня.
Я нащупала в траве палку. Если уж драться, то до конца!
Наездник, увидев мои приготовления, усмехнулся.
Да черт его подери!
Взгляда его черных, пронзительных, внимательных глаз я не выдержала.
Опустила взгляд.
В груди стало горячо-горячо от этого внимательно взгляда, и я разозлилась на себя за то, что в этой ситуации отметила — он очень красив.
Да к лешему в болото его красоту!
Достаточно с меня титулованных красавцев!
От этого веяло силой и опасностью, как и от Натана.
Но тогда, давно, я думала, что это не от страха, а от восторга замирает мое сердце.
А сейчас поняла — я и тогда сразу почувствовала опасность. И сейчас чувствую липкий холодок страха, бегущий по спине.
И больше меня не обмануть!

«Что угодно, пусть что угодно произойдет, лишь бы они все ушли! — молила я. — Ушли и оставили нас в покое! Теперь меня не обманешь красотой и сладкими речам! Я-то знаю, что вы, мерзавцы, можете устроить жизнь страшнее, чем смерть!»

Только палку крепче сжала.

— Отвечай, — резко велел он. — Ты кто такова?

— Внучка травницы, — произнесла я, не поднимая взгляда. — Мельниковой дочери. Бабке помочь пришла. Не то умрет с голоду.

— Вранье, ваша милость! — тотчас же разорались мои насильники.

Второй, побитый, даже выполз на четвереньках из кустов. На ноги встать не мог.

Здорово же его приложил хозяин! Чем, интересно? Плетью?

Я не смогла сдержать язвительной ухмылки, и аристократ ее заметил.

И тоже усмехнулся.

Будто поддерживал.

— Какая еще внучка? Непохожие они! — заголосили оба мерзавца в один голос. — Да и потаскуха беременная! А мужа-то рядом нет! Значит, просто шлюха! Чего б и не потискать? Мы ж ничего дурного и не хотели. Так, побаловаться маленько...

Ничего дурного?! А давай-ка я тебя этим дрыном оприходую! Ничего дурного, просто побалуюсь!

Марта, насилу выбравшись из кустов, куда зашвырнули ее негодяи, с воплем припала к земле, прямо перед копытами нервно гарцующего коня.

— Внучка моя! — упрямо твердила она дрожащим голосом. — Не троньте ее, благородные господа! Что она вам сделала? Глупенькая девочка!

— Пусть твоя внучка сама скажет.

Голос у этого мужчины тоже был сильный. Звучный, заглушающий все звуки вокруг.

— Откуда у тебя ребенок? — обратился он ко мне.

— А то ты не знаешь, откуда дети берутся! — злобно прошипела я, осмелившись взглянуть на аристократа.

Тот улыбался.

Казалось, моя дерзость его забавляла. Его черные глаза сияли, плечи подрагивали от сдерживаемого смеха.

А у меня снова голова закружилась от одного взгляда...

— А ты дерзкая, однако... Это правда, что нагуляла дитя? — спросил он строго, и я озлилась еще сильнее.

— Никогда шлюхой не была! — прорычала я, грозно поднимая свою палку. — С кем попало не спала, и этим не дамся!

— А где муж твой?

— Там, где и все подлецы, — я не решилась сказать, что муж у меня умер. Это была бы ложь, и аристократ сразу это понял. Но и всей правды я ему говорить не собиралась, разумеется. — Живет своей жизнью. Весел, сыт и пьян.

Мужчина снова усмехнулся.

— Врет она, гадина! — снова забеспокоились его слуги. Заорали дурными голосами. — Гладкая она больно! Да белая! Если б муж ее не любил, была б черна да черства, как сухая корка! А она откормленная, словно девка из зажиточной семьи!

Рассмотрели, мерзавцы...

От их липких замечаний я вспыхнула от стыда.

Снова опустила глаза, не в силах смотреть на незнакомца.

— Нелюбовь разная бывает, — тихо произнесла я. — Свиной тоже откармливают... Чтоб потом забить.

— Верно, — вдруг согласился мужчина, внимательно меня рассматривая. Я так и подпрыгнула. Что?! — Эй, там. Отойдите и не смейте трогать ее!

Он покопался в кошелке, притороченном к поясу. Выудил оттуда монету — большую, блеснувшую белым на солнце, — и кинул мне.

— За хлопоты и испуг, — произнес он.

Но я монету не поймала.

Та упала к моим ногам.

А я так и стояла, а в груди все кипело от злости.

«Я с собачьего броса не собираюсь подачки брать!» — хотела выкрикнуть я.

Но слова словно прилипли к языку.

Хотя, наверное, глаза все высказали.

Мужчина, глянув в мое лицо, снова усмехнулся.

— Гордая, — проворчал он.

Затем тронул поводья, кивнул своим слугам, чтоб те следовали за ним.

И его конь скрылся за зарослями.

Несостоявшиеся насильники, охая и почесывая бока, двинули за ним.

Как только шаги их стихли, Марта кинулась, как волчица, к серебряной монете и с плачем ее схватила.

— Серебро! — выдохнула она, протирая передником монету и целуя ее. — Это же целая серебряная монета! Это нам с тобой жить и жить!..

Я бросила взгляд на подачку.

— Это не серебро, — упавшим голосом ответила я.

— Неужто такой важный господин фальшивомонетчик! — изумилась Марта, рассматривая деньги.

— Нет, — у меня во рту стало сухо-сухо. — Не фальшивомонетчик. Это господские деньги. Платина. Меж собой они ими расплачиваются. Меж благородными.

— Платина? — удивилась Марта. Похоже, она и не слышала о таком металле.

— Это, Марта, стоит больше, чем золотой, — тихо ответила я. — Такие деньги просто так к простолюдинам не попадают. Только в знак особой признательности...

«Или не к простолюдинам, — подумала я. А в сердце заполз холодок. — Он что... он понял, кто я?!»

Глава 15

Сначала мы долго сидели на берегу ручья, плача и приходя в себя.

Солнце сушило мою промокшую в ручье одежду, а я все рыдала, и слез капали мне на грудь.

Было горько, до тошноты горько во рту, и противно.

Я сегодня себя ощутила куском мяса, которое бродячие шакалы чуть не растерзали. И заступиться-то за меня некому...

«Нужно, непременно нужно выбраться из этой нищеты! — думала я. — Не то пропаду...»

— Да чего мы расселись-то тут?! — всполошилась вдруг Марта. — А ну, как уедет вперед их господин, а эти два беса вернутся?! А ну, живо поднимайся! Слезы утри! Ничего не произошло! В нашей жизни бывает и хуже! Ну, соберись! Ты ж хотела сильной быть?!

— Да, да, — всхлипывая, соглашалась я, утирая мокрое лицо.

Марта права.

Могло быть куда хуже.

И мне следовало бы научиться спокойнее переживать подобные ситуации.

«Нужно быть храброй! — твердила я себе, хотя у меня поджилки тряслись. — Мне еще в город идти. И что теперь, я каждую опасность буду оплакивать? Вот уж нет! Надо быть сильной! Сильнее и людей, и обстоятельств!»

До домика Марты мы добежали бегом.

Конечно, мы собрали наши рассыпанные грибы и травы.

Но не уверена, что все.

Но что нам эти грошовые травки, когда в руках было целое состояние?..

Дома, заперев крепче ветхие двери, Марта бросилась к окну и разжала кулак.

На темной морщинистой ладони лежала, горя как жар, серебристая монета.

Сомнений не было: это точно была платина. Темнее, чем серебро. Тяжелее.

Серебро весило б в несколько раз меньше.

— Сколько, говоришь, она может стоить? — задыхаясь от волнения.

— Три золотых, — ответила я тихо.

— Это по пятьдесят серебряных каждая, — подвела итог Марта тихо. — Итого сто пятьдесят! Ох, сколько ж это денег! Я за всю жизнь, наверное, столько в руках не держала! Купили б крупы, масла и муки-и-и...

Она даже задохнулась от волнения.

Повалилась на стул, хватаясь за грудь.

Я метнулась за водой, черпанула из ведра кружкой.

Марта пила жадно, долго.

С трудом перевела дух и подняла на меня взгляд:

— Ты... возьмешь ее?

Прозвучало это так робко, так тоскливо.

«Ты отнимешь ее у меня?»

Как ножом по сердцу! Да чтоб тебя! Что ж она никак не доверится мне?!

Но в ответ я лишь качнула головой, старясь выглядеть как можно спокойнее.

— Ты взяла. Значит, она твоя. Отнимать не стану. Хочешь, дырку в ней пробей, шнурок продень да на шее носи.

Марта тяжело вздохнула.

— Ты же знаешь, чего я хочу, — ответила она. — Денег бы, денег бы нам!.. Эх! Вот продать бы ее, а? С меня и одной трети хватит. А две трети ты забери. Можешь и больше! Мне много не надо.

Я только вздохнула, видя все ее хитрости.

Старушка хотела на старости лет пожить сытно. Хорошо. Думаю, она оставила б себе и всего десять серебряшек, лишь бы я ей их отдала.

Сердце кровью обливается всякий раз, когда я чувствовала ее беспомощность и слышала заискивающие просьбы.

— Я нисколько не заберу, — ответила я. — Если и продам ее, так эти деньги будут наши с тобой. Общие. Не мои. Поняла? Не собираюсь я тебя обманывать и бросать. И мысли такие выбрось из головы.

Марта снова глянула на сияющую в ее руке монету.

— Но ты ведь можешь продать ее, так? Знаешь, где?

Я нехотя кивнула.

— Либо в Гильдию Воров — там все простолюдины краденое сбывают, — либо в казначейство. Но с ворами связываться опасно... как, впрочем, и с казначеями.

Я судорожно глотнула воздух.

Казначей, конечно, прицепятся.

Откуда взяла деньги, кто дал, за что...

От них есть шанс унести ноги.

Но и опознать там меня могут.

— Могут поймать, да? — тихо спросила Марта. Я лишь кивнула.

— Могут. И тогда ты потеряешь ее.

Марта подкинула монету на ладони.

И улыбка ее вдруг сделалась легкой-прележкой.

— Ну, не стану ж я ее есть, когда провизия-то кончится, — весело сказала она. — А тебя не станет рядом, я так и этак помру. Стало быть, тебе решать, что с деньгами делать.

Я с минуту смотрела на сияющий платиновый диск.

— А, была, ни была! — решила я. — Продам! Давай!

Марта оживилась.

— Увяжем ее в тряпицу, а ты за пазуху положишь, — суежилась она. — И если все сладится, то горя знать не будем!

Она рассмеялась мягким, теплым смехом.

Будто нашла в себе силы поверить в чудо и в счастье.

Поверить мне.

Это стоило дорогого.

Я вдруг почувствовала, что не знаю как, но эти деньги я до Марты донесу. Зубами вырву, если понадобится, но донесу.

— Можем и дом в городе хороший купить, — заметила я. — Или вот мельницу твою восстановить. Что скажешь?

Она пожала плечами, заворачивая монету в клочок ткани.

— Я в этом не понимаю ничего. Как отец умер, так мельница в упадок пришла. Муж мой всем сначала заправлял. А потом растащил все по камешку, разломал, распродал, да и сбежал с деньгами. Эх...

Она снова тяжело вздохнула, припоминая былые беды.

— А какая мельница была! Какую муку молола! — сокрушалась она, пока мы складывали в корзинку свежие травы. — Герцог, считай, только ее и покупал. Обязательно чтоб была смолота на наших жерновах! Жили мы тогда зажиточно. Богатые были. Ели-пили что хотели. Одевались как господа. А потом, эх...

— Надо зайти, посмотреть, что там осталось от своей мельницы и колеса, — задумчиво произнесла я.

— Да кому она нужна? — уныло ответила Марта. — Лучше уж продать ее, да в город перебраться. И жить в чистоте и тепле. А не в этом сыром болоте. Кости ломит от сырости и холода...

— Ну, давай прощаться, что ли? До города, думаю, не близкий путь. Дай бог, завтра вернусь.

— Да куда ж ты, бестолковая! — всплеснула руками Марта. — Мало тебя прижали у ручья? А дай-ка, я тебе лицо смажу сажей. Да платок, платок мой надень! Сойдешь за замазашку. Особо-то ни с кем не болтай! Сразу поймут, что ты не из простых. И глаза прячь. В лица людям не смотри. Они, знаешь, тоже не дураки.

Она зачерпнула сажи и мазнула меня по щекам, по лбу.

Затем накинула на меня свой платок и критически оглядела.

— Ну, вроде, не скажешь, что герцогиня...

Услыхав это, я вдруг расхохоталась во все горло.

— Да уж, не очень величественный у меня вид!

— Ну, иди уж, — вздохнула Марта. — И с удачей!

Мы расцеловались, и я двинула в путь.

Мельничное колесо, которое стояло чуть поодаль от домика Марты, было большое, черное от воды, разбухшее.

Дерево, из которого оно сделано, было крепким. Поэтому разрушилось не до конца.

Зато сама мельница была разграблена до основания.

Сохранилась лишь стена, на которой крепилось колесо, да фундамент.

Ну, и жернова. Старые огромные камни, поседевшие за много лет от ливней.

Я послонялась по фундаменту, заросшему травой, потолкала жернова.

Ну, ясно. Я-то тоже ничего не понимаю в мельничном деле. Куда полезла, зачем?..

Потрогала жернов, и вдруг из-под него с легким шорохом посыпался алый блестящий песок.

Как струйка крови брызнула. Так же внезапно и страшно.

От испуга я повалилась на землю, неуклюже плюхнулась на зад, и...

Как по желобу, скатилась вниз, к воде.

— Да чтоб его, этот ручей, — ругнулась я, в очередной раз оказавшись в воде.

От моего падения от берега отошел пласт земли с песком и глиной и с шумом обрушился в воду.

Чуть не на меня. Я снова ругнулась, и уж хотела выбираться из грязи, как вдруг!

Под сошедшим пластом глины, в самой воде, я увидела алые отблески.

Склонилась, поколупала глину... и вытащила огромный рубин!

Не огранённый, грязный.

Но даже сейчас было видно, какой он потрясающе чистый и прозрачный!

Я вертела его и так, и этак, смотрела сквозь него на солнце.

Камня такой чистоты я еще не видела.

Даже камни в моем колье уступали ему.

— Ай, да мельник, — протянула я, изумленная. — Вот тебе и мука...

Глава 16

Ну, с такими сокровищами мне дорога одна — в Гильдию воров.
Я знала, что добыча рубинов прекратилась давно. Может, лет десять назад.
Об этом много говорили в народе. Да и аристократы хвастались своими украшениями из недавно ограненных камней.
Чем свежее камень, тем он ценней.
Старые прииски перерывали в поисках хотя бы крохотного камешка.
Но их просто не было.
Цены на рубины взлетали до небес.
А тут такое сокровище!
Покопавшись в грязи, я нашла целое гнездо. Порода, а в ней алые рдеющие камни.
— Господи боже, — шептала я, катая на руках отмытые и оттертые песком и речной водой камешки. — Это же не то, что состояние — это сокровища!
Настоящие сокровища, без преувеличения.
Но сбыть их не так просто.
Кто я? Никто. Если у меня спросят, где я их взяла, что я скажу?
На землю дарственная у Марты. А я, выходит, украла.
Пока станут разбираться, на рубиновый берег набегут непрошенные люди.
И все разграбят.
Значит, надо продать камень тому, кто не станет задавать вопросов.
Ворам.
Однажды, давно, отец Ники ходил в такую Гильдию по какому-то важному делу.
Вернулся целый, но напуганный. Молчал неделю.
Дело его было решено положительно.
А отец, когда отошел от испуга и смог говорить, сказал только одно:
— Главное — не бояться. И выдержать.
От воспоминаний об этой истории у меня мороз по коже шел.
Но я упорно повторяла себе, что нужно быть сильной.
Иначе я не выживу.
И именно сейчас я это ощутила очень четко.
Так что я перебрала все камешки, выбрала самый маленький, и надёжно его уложила за пазуху.
Остальные камни спрятала в фундаменте, в приметном месте под камешком. Примазала глиной, засыпала песком. Авось, не найдут.
И решительно двинула в город.
Добралась до базара я уже после полудня.
Порядком устала, вспотела.
От бесконечных утираний пота со лба перепачкала в саже и все лицо, и руки.
Измучилась, корзина оттянула мне руки.
Так что, дойдя до более-менее людного места, где торговцы раскладывали свой товар, я просто уселась на землю. И долго сидела, переводя дух и рассматривая людей.
Я совсем позабыла о своем товаре. В голове были только мысли о том, как бы попасть в Гильдию воров и подать им мои сокровища.
Но, несмотря на мою беспечность, травами моими заинтересовались.
Главным образом потому, что на солнце они одуряюще сильно пахли.
Даже голова кружилась от их аромата.
— Продаешь ли от ломоты в костях, травница? — окликнула меня бойкая женщина.

Я, очнувшись от своих дум, закивала головой.

— Да, есть такая травка. Сейчас поищу. Сколько тебе?

— Три ветки давай, — распорядилась женщина, отыскивая в кармане медяшки.

— Только аккуратно заваривай, — напутствовала я, забирая у нее деньги и отдавая нужную траву. — Щепоть на кружку воды. И в тепле пусть постоит.

— Ученые, знаем, — ответила тетка, убирая мою лечебную траву на дно своей объемистой корзины.

— Ты мне вот что подскажи, милая, — вдруг осенило меня. — Подскажи-ка мне, где Гильдию Воров найти. Очень надо.

Женщина взглянула на меня и испуганно шарахнулась.

— С ума сошла, соваться в пекло! — вдохнула она.

И поспешно отошла от меня.

Я вздохнула подняла свою корзинку и пошла по рынку.

Кому-то сама травы предлагала, кто-то сам подходил.

И ко всем я обращалась с вопросами о Гильдии.

Безрассудно, конечно.

Безумно.

И все реагировали одинаково. Пугались и уходили поскорее.

Я, чумакая, в драных одеждах, то ли старушка, то ли женщина, за медяки продающая травы, казалась им похожей на ведьму.

А моя просьба помочь мне отыскать Гильдию, наверное, намекала людям на то, что я жажду как минимум страшной мести.

И смертью запахло на рынке...

Скоро ко мне подошел человек, жующий неспелое, чуть завязавшееся кислое зеленое яблоко. Мужчина с хитрыми глазками и одетый неприметно.

Только яблочным соком пахло от него остро.

— Бабка, — грубо окрикнул он меня. И, когда я обернулась, бесцеремонно сунул в мою корзинку, будто посмотреть товар. Поворошил травы смуглыми загорелым пальцами. — Ты, что ль, ищешь Гильдию?

— Я, — дерзко ответила я. Кровь бросилась мне в лицо, опасность подло и остро кольнула под ребра, в сердце. Да так сильно, что миг я не могла вздохнуть, словно прыгнула в ледяную воду.

Мужчина внимательно смотрел мне в глаза и все грыз это яблоко.

Белый пахучий сок кипел на его губах.

— Смерть чью-то поторопить хочешь? Так пиши ей письмецо, я передам, — предложил он.

— Не смерти, — ответила я дерзко. — А свое послание я сама передать могу. Веди.

Он усмехнулся, прищурил глаза.

— Вот так прямо сразу и веди? — он ухватил конец моего платка, утер мне щеки. — А вдруг ты шпионка?

— А вы там пугливые и слабенькие? — огрызнулась я. — Даже разбежаться не успеете?

— Наглая, — усмехнулся мужчина, усмехаясь мне в лицо. — Ну... идем, раз не боишься.

— Мне бояться нельзя, — снова ответила я. — А то околею у дороги с голоду.

— А если на ноже? Не боишься?

— Так быстрее, — ответила я. — И тогда я твоей смерти письмецо передам. Чтоб неповадно было запугивать людей и убивать зазря.

Он кивнул, сделал знак, чтоб я следовала за ним.

И мы пошли.

Я-то думала, он меня отведет в какую-нибудь таинственную пещеру.

Ну, на крайний случай — в заброшенный дом, где призраки стенают по углам.
Но нет.
Он завел меня в обычную таверну и подтолкнул к столу, за которым сидели пятеро.
— Туда иди. И обращайся к любому из них, что заговорит — Князь. Поняла?
Я только кивнула.
Мужчина словно растворился в воздухе.
А я нерешительно подошла к столу.
«Князья» мне не понравились.
Серые, непримечательные люди.
Лицо худощавые. Длинные острые носы, как у голодающих.
Губы тонкие.
Только глаза... ох, уж эти глазища! Так и сверкают! Так и прошивают насквозь острые, как шильца, взгляды.
Да посверкивающие на узловатых пальцах кольца.
Вроде, неприметные, а я поняла — дорогие.
— Н-ну, чего тебе?
Эти пятеро играли в карты.
Я лишь мельком глянула одному в веер, и у меня глаза на лоб полезли.
Картинки там пестрели, менялись с каждым шевелением его пальцев.
Шуллерствовал.
Похоже, как и все.
Наверное, у каждого в рукаве была своя колода.
И каждый старался обхитрить соперников.
— Пришить кого надо? Кровная месть? — спросил второй. — Так за то кровью своей платить надо. Дай-ка ручку. Мы пальчик выберем да чик —отрежем.
И он вдруг больно ухватил меня за руку.
Припечатал мою ладонь к их столу, да так быстро, что я и пискнуть не успела.
И меж моими растопыренными пальцами, быстрый, как язык пламени, заиграл нож.
— Ну, который не жалко?
Вокруг меня на десяток глоток расхохотались неприятные голоса.
Стыд кольнул мои щеки тысячами иголок.
Называть этих крысиных королей Князьями я, может, и обязана.
А вот терпеть от них унижения — точно нет.
С силой я высвободила руку.
Лезвие ножа лишь щекотнуло мне палец, и вонзилось в столешню там, где моей руки уже не было.
Ужасом больно дернуло нервы.
Но я упрямо скрыла страх и посмотрела прямо в глаза человека, решившего поугагать меня ножом
— Не мстить я пришла, — рыкнула я, — а совершить честную сделку.
— Что за сделка? — прищурился он.
— Вещицу одну продать хочу. Дорого, — ответила я с вызовом.
Пятеро за столом заулыбались, расслабились.
Принесла некую вещицу — значит, сперла. Значит, своя.
— И много хочешь? — спросил «Князь», пряча нож в ножны.
— Много, — все так же с вызовом ответила я.
И, отвернувшись, достала камешек.
Когда я выложила его на стол, воцарилась тишина.
Все пятеро «Князей» даже невольно отпрянули от стола, будто я им гадюку кинула.

— Где ты взяла это? — наконец, осмелился спросить один из них.
И осторожно дотронулся пальцем до сияющего в свете свечей и масляных ламп камня.
— Где взяла, там уж нет, — огрызнулась я.
— Украла? — быстро спросил «Князь».
Он взял камень, поднес его к глазам. Вертел и так, и этак, рассматривая.
Затем ловко перекинул другому, видно, более разбирающемуся.
У меня сердце так и упало.
Ну все, пошло гулять по рукам мое сокровище.
Отнимут, ничего взамен не дадут.
Вот я глупая курица!
Но своего отчаяния я не показала.
— Не твое дело, — так же уверено и резко ответила я.
— Два серебряных дам, — небрежно сказал «Князь».
— Себе оставь! — огрызнулась я. — Милостыни не беру! А камень этот стоит не меньше пятидесяти серебряных! Сто таких камешков, и я господский дом смогу купить!
— Стоит, — согласился «Князь». — Только кто ж тебе их даст. Ты потому сюда и пришла, что в другом месте с тебя шкуру спустят вместе с ответом, где камень взяла. Ну, если не хочешь брать мое серебро, можешь сходить к честным людям...
Вся таверна вокруг снова разразилась скотским страшным хохотом.
Потому как «Князь» прав: «честные люди» меня до смерти запытают.
И все же я отважилась стоять на своем.
— Кроме честности должна быть еще и гордость, — ответила я, насмешливо фыркнув.
— Ты что, позволить себе не можешь хорошую цену, Князь? Нищий? Или прижимистый? А может, руки до мозолей стер, деньги зарабатывая?
Таверна снова наполнилась диким страшным хохотом.
А «Князь» даже побелел от моего нахальства.
Губы его сжались в узкую полоску.
Он бросил на стол, ко мне, три серебряных.
И другие «Князья» сделали то же самое.
Я поняла: это окончательная цена. Больше не предложат. И выторговать мне не удастся.
Или бери, или уходи.
— Так-то лучше, — проворчала я, сгребая серебро со стола и изо всех сил стараясь унять дрожь в руках.
«Князь» внимательно наблюдал за моими действиями.
— Хорошие руки, — вдруг произнес он. — Верные. Пойдешь на меня работать?
Его взгляд был страшнее удара бича.
Но я и его выдержала.
Хотя мне казалось, что внутри меня все горит. А главная струна души натянута так, что вот-вот лопнет.
— Не пойду, — мотнула я головой.
Выкладывать сейчас еще и платиновую монету я посчитала излишним. Каким-то звериным чутьем почуяла — меня сожрут. Тут же.
Руки выкрутят, пальцы выломают, чтоб узнать, где я все это взяла.
И самим добратся до сокровищ...
— Что так? Ты, вроде, удачливая, — произнес он.
— Не хочу, — сухо ответила я.
— А придется, — протянул он, ослабившись. — Не то...
— Князь, Князь, чего девчонку ломаешь? — вдруг раздался подозрительно знакомый разбитной голос. — У нее от страха штанишки мокрые. Ты правда решил, что она удачливая?

В круг ступил Ивар, вытирая ладонью разгоряченное красное лицо.

Пил.

Глаза его были мутны, он недобро усмехался.

— Пойманный вор — неудачливый вор, — хохотнул он и вдруг резко ухватил меня за руки.

Да так, что я вскрикнула.

Рывком притянул к себе. Сгибом руки придавил мне горло. Прижал.

— Девчонку себе забираю, — резко бросил Ивар.

— По какому праву? — рявкнул Князь, подскакивая на ноги.

Видно, не терял надежды узнать, где тайник с камнями.

Ивар над моим плечом тихо рассмеялся.

Жаркодохнул мне в ухо.

— Да это же наш камешек, семейный, — пробормотал он мне, а не «Князю». — Да, пташка? Пробралась в дом, отыскала тайник — молодец. А вот попалась глупо... воришка мелкая.

— Лжешь! — выкрикнул, негодуя, «Князь».

Ивар тотчас ощерился, как волк.

— Завалю!

В его выкинутой вперед руке, затянутой в кожаную перчатку, блеснул знакомый мне нож.

Я стояла ни жива, ни мертва, чуть придушенная, и молилась, чтобы остаться живой.

— Ты меня знаешь, Князь, — снова хохотнул Ивар. От его ножа люди шарахнулись вернее, чем от огня. — Я не посмотрю на уважение. Всех перережу, как поросят. Девка эта моя. Только я имею право с нее спросить.

Он прижался к моей вздрагивающей шее носом, жадно втянул мой аромат.

— Нынче мы повеселимся, — снова пробормотал он интимно и пьяно.

Мне казалось, что душа моя уже рвется прочь из тела от его гадкого голоса, от его мерзких прикосновений.

— Она же шелудивая, — слабо вякнул «Князь». — Посмотри на нее!

— Ничего, — похотливо и гнусно пробормотал Ивар, тиская меня. — Для такого уроды, как я, в самый раз...

Он вдруг склонился, крепко меня ухватил и закинул к себе на плечо.

С неожиданной для его хрупкого тела силой.

Я завизжала на всю таверну, вися вниз головой и дрыгая ногами.

Все вокруг снова расхохотались. А Ивар, крепко шлепнув меня по заднице, поспешил вон из таверны.

Глава 17

Далеко Ивар меня не утащил.

Наверх, в комнаты, в этой же таверне, через черный ход, откуда повара выносили помои.

Втолкнул в одну из них и с грохотом закрыл дверь.

Я пребольно треснулась затылком об стену, и Ивар тотчас же навалился на меня, крепко прижал к каменной кладке.

В лицо мне дохнула жаром, алкоголем и запахом его одежды.

Но пьян он не был.

Его безумные глаза горели такой яростью, что адреналин обжег каждую клеточку моего тела.

Я словно в кипяток упала.

— Вот оно что, госпожа герцогинья! — прорычал он. — Доброго денечка! Давно не виделись! А какого черта, позволь узнать, ты притащилась сюда? Я что, отпустил тебя, чтобы ты рядом шастала? Ты даже не представляешь, как это опасно!

— Ивар! — нервно выкрикнула я. — Как ты узнал меня?!

— По запаху! — рыкнул он яростно, и я снова обмерла от безумной яростной страсти, которой дышал этот человек.

Но я не собиралась пасовать перед ним.

Не сейчас.

Не после знакомства с Гильдией Воров!

— Не изображай из себя зверя, — холодно произнесла я. — Я не поверю! И меня этим не напугать!

Я хотела отстранить его от себя, но он не дал.

Рывком вернул меня на место и сжал ладонью мое горло.

Кожа его перчаток неприятно закрипела.

Мне стало противно оттого, что Ивар касается меня в этих перчатках.

Как лошади или собаки.

— А зря не поверишь! Может, я еще попробую пугнуть? — рыкнул он. — Я бы сейчас с удовольствием обглодал твоё лицо до костей, чтоб ты не строила этих тупых и невинных рож! Ты, глупая девчонка, просто не знаешь, во что впуталась и что натворила! Тебе следовало бежать как можно дальше, забиться в какую-нибудь щель и там сидеть тихо, как мышка! Так какого демона ты выползла на свет божий?!

— Я выползла, — проорала я, заводясь, — потому что мне нужно что-то есть! И на что-то жить! Может, ты и отпустил меня, но денег на жизнь не дал!

Ивар хрипло рассмеялся, словно был смертельно пьян.

— О-о-о, — протянул он, — деньги... эти маленькие кружочки, скрашивающие нашу бесполезную жизнь! О них-то я и не подумал. Когда нет надобности их добывать, просто думаешь, что они есть у всех, как и у тебя.

— Так вот их у меня нет! И я буду выползать за ними все чаще и чаще, нравится тебе или нет!

Ивар злобно треснул в стену кулаком, прямо рядом с моей головой.

Да так сильно, что я осеклась и смолкла.

Наверное, пальцы в кровь разбил.

Но он был так зол, что казалось — боли не замечает.

— Я для этого тебя отпускал? — задушено прошипел он, сверля меня безумным взглядом. — Чтобы ты брыкалась, как строптивая тупая корова и показывала мне свой характер, госпожа герцогинька?! Где ты камень взяла, отвечай!

— Да уж не у тебя дома! — огрызнулась я.

— Я знаю! — рыкнул Ивар. — Потому что рубины не находили уже более десяти лет! Все ранее добытые огранили и продали! Давно! А тут свежий...

Он отпрянул от меня, запустил руки в волосы. Вид у него был безумный.

— Это он сделал, — вдруг произнес Ивар и ухватил меня за живот бесцеремонно.

— Не смей меня лапать, негодяй! — я отпихнула его руки.

Но Ивар словно не услышал моих оскорбительных слов.

— Он притянул!.. А ты умудрилась притащить рубин вору! Показала, что объявился новый Златовед... — бессильно застонал он.

— Что?!

Его слова казались мне бессвязным диким бредом.

Но Ивар не был сумасшедшим.

То, что он говорил, само укладывалось в какую-то странную, невероятную логическую конструкцию.

— Наш род давно утратил эту магическую силу — притягивать, — прошептал он, глядя мне в глаза почти с испугом. — Ни Натан, ни я не можем... давно уже. Значит, эта магия перешла к твоему ребенку. Он новый Златовед.

Я не до конца поняла, о чем он толкует.

Но мне вдруг сделалось нестерпимо страшно.

— Это значит, узнай кто о моем внезапно обретенном даре — похитят, посадят в подземелье, и станут рыть вокруг?! — воскликнула я. — В надежде найти то, что я... притянула?

— Нет... не совсем, — пробормотал Ивар. Его трясло, словно в ознобе. — Не всякое место подойдет...

«Видимо, то, что старый герцог подарил Марте, вполне пригодно! — сообразила я. — Значит, оттуда съезжать нельзя!»

— Денег не жизнь ты себе раздобыла, молодец. Я принесу тебе другое платье, — продолжил Ивар быстро. — А ты отмой свою физиономию, расчешись! Наденешь новые тряпки, и уберешься быстро туда, откуда выползла! Тебя ведь ищут, забыла? Безутешный муженек твой нашел твоё платье ниже по ручью. Но все еще надеется обрести вновь и свою любимую женушку, живой и здоровой!

— Он знает о моей беременности?!

Ивар подозрительно покосился на меня:

— Если и знает, то не от меня. Так что у тебя еще есть шанс порадовать его этой новостью! Твой рубин, объявившийся вдруг после твоего исчезновения — это просто вопль на весь свет, что ты жива и в положении! После этого он будет искать тебя вдвое усерднее! Да что там — скоро он узнает, что тебя видели в городе. И мне придется признать, что я видел тебя. И где видел.

— Ты этого не сделаешь!

— О, сделаю, еще как сделаю! У меня нет желания ссориться с братцем! — хохотнул Ивар. — А ему уж доложат, что мы виделись.

— Ты не посмеешь... не выдашь меня.

— Посмею. Да я обязан это сделать! Я однажды сказал, повторю и еще раз: ты что, какая-то особенная, чтоб я заимел из-за тебя неприятности и поссорился с семьей? Нет. Так что выпутывайся сама — и не впутывай меня!

Глава 18

— Стыдно смотреть, как ты трясешься за свою шкуру! — выдохнула я.

Я хотела сделать Ивару больно.

Он пугал меня до дрожи, и я хотела отплатить ему если не той же монетой, то похожей.

Уязвить его раздутое самолюбие.

Однако мои оскорбления были им игнорированы.

Он расхохотался.

— Смешно смотреть, как ты упрямо храбришься, ни черта не понимая, — ответил мне он. — У тебя что, совсем ничего нет в этой хорошенькой головке?

И он ткнул мне пальцем в лоб.

Яростная волна безумия накрыла меня.

Даже в глазах стало красно от нахлынувших воспоминаний. И от боли, с которой я встретила свою смерть.

Мне показалось, что память о том событии разорвала меня на части,

Стас так же сделал перед тем, как выкинуть меня в окно.

Хладнокровно и цинично. Без сожалений.

Маргиналы так выкидывают мешки с мусором.

— Не смей трогать меня руками! — заорала я не своим голосом и ударила Ивара по лицу. Сильно.

Полоснув ногтями по щеке так, что выступила кровь.

Во мне словно демон проснулся. Почувяв запах крови, я хотела драться, бить еще и еще, рвать Ивару лицо только за то, что он нечаянно напомнил мне о моей трагедии.

Я даже шагнула решительно к нему, сжав кулаки.

Но Ивар ловко отскочил, оглушительно хохоча.

— О, какой знакомый темперамент! Какой крутой нрав! — проорал он, адресуя слова явно не мне. — Здравствуй, родственничек! Добро пожаловать в семью!

Это он ребенку.

Моему ребенку, намекая на то, что тот уже мной управляет.

И я зверею по его приказу...

Это было отвращающе. Как ведро ледяной воды в лицо.

Я отшатнулась от Ивара, прикрыла живот руками.

«Ну, что ты, — безмолвно уговаривала я ребенка, прислушиваясь к бешено колотящему сердцу. — Что ты! Разве так можно? Нет. Мы же не звери. Так нельзя!»

Красная пелена медленно спадала с моих глаз. Я остывала, дыхание мое выравнивалось.

Ивар же с интересом наблюдал за мной.

— Получается усмирить его? — с нехорошим любопытством спросил он. — Получается унять жажду вседозволенности? О, вероятно, у этого ребенка есть шанс не стать монстром, как его папаша. Именно вседозволенность однажды нас и погубит...

— Ты сам монстр, — огрызнулась я. Раздражение и гнев снова вспыхнули во мне, мгновенно. Но я упрямо их подавила. Силой. Дрожа от желания вцепиться Ивару в глаза — и не делая этого. — Не смей моего ребенка так называть.

— Но он плоть от плоти своего отца, — напомнил мне Ивар. Казалось, он нарочно меня дразнил. — И он сильнее тебя.

— Я научу его пользоваться не только силой, — ответила я. — Но и разумом.

— Ты уж постарайся, — издеваясь, ответил Ивар, отступая к двери. — Что ж, я иду за платьем. Подожди меня, птичка, никуда не улетай. А за это спасибо, — он указал пальцем на окровавленное лицо. — Кстати. Ты не могла бы еще укусить меня? Для правдоподобия?

— Пошел вон! — я снова кинулась на Ивара. В груди будто огонь горел. Во рту стало солоно от крови — кажется, от злости я прокусила себе губу.

А ведь это только начало...

— Ухожу, ухожу, радость моя! — паясничая, ответил Ивар и скрылся за дверью.

После этих разрушающих приступов ярости я обессиленно упала на пол и долго лежала, приходя в себя.

Нет, так не пойдет.

Неужто я стану все время на людей кидаться, за каждое не понравившееся мне слово? А если не кидаться, если не давать ребенку то, чего он хочет — мести, драки и крови, — то долго я не выдержу.

Сорвусь.

Марта была права?.. Избавиться, пока не поздно? Найти другого, хорошего и честного мужчину, от него родить?..

Эта подлая, скользкая мысль промелькнула где-то на периферии сознания, и я тотчас обрела силы.

Уселась, жадно глотая воздух.

— Нет-нет-нет, — от страха у меня даже холодок по спине побежал. От страха потому, что я в шаге от страшнейшего предательства стою! — Такие мысли прочь! Я должна быть сильной! Кто сказал, что будет легко?

Вскоре явился Ивар с комком тряпья подмышкой.

Он помалкивал и больше не дразнился.

Но я видела, как он прячет нож в ножны. И руки его были в крови.

— Ты что, — закричал он, — не привела себя в порядок?! Я же велел!

Он налетел на меня, подхватил под руки и рывком поставил на ноги.

От него пахло кровью.

А внизу, как мне показалось, нарастал крик и бой посуды.

— Живо, живо!

Он подтащил меня к умывальнику. Из кувшина плеснул в тазик воды и, ухватив за шею, окунул меня туда лицом.

— Да отмывайся ты, черт тебя дери!

Я задохнулась от его грубости, но он макал и макал меня, пока я окончательно не пришла в себя и не начала сопротивляться.

— Да пусти же!

Он отпустил.

Пока я жадно дышала, он быстро содрал с меня юбку, вспорол ножом шнурки моего корсажа.

— Да ты что творишь!..

— Раздеваю тебя.

— Да как ты можешь!..

— Могу по-всякому. Тоже мне, наука — женщину раздеть. Некогда крутить реверансы и возиться, — зло ответил он, наскоро вытирая окровавленные руки моим старым платьем. — Переодевайся!

Оторвав клоч от моей старой юбки, он насильно вытер мне мокрое лицо. Насухо и начисто. Как капризному ребенку-неумехе.

— Ты что, ты кого-то убил? — стуча зубами, спросила я, натягивая ворованную юбку.

Она была красивой, добротной, из плотной зеленой ткани.

Корсаж тоже был нарядным, ушитым тонким узором мелким бисером, с новыми цветными шнурками.

Ивар грубым рывком затянул шнурки так, что мне и дышать стало трудно.

Но, кажется, ему на это было плевать.

— Конечно, убил, — глухо ответил он.

— Кого?! Надеюсь, не хозяйку этого платья? — ахнула я.

— Того человека, с которым ты разговаривала, — кратко ответил он.

— Князя?!

Ивар кивнул.

— Его. Еще как убил. Подло и вероломно, ткнув хорошенько ножом в шею. Сзади.

— Но зачем?!

— Он единственный тебе прямо в лицо смотрел. Он мог опознать тебя и натравить своих людей, — кратко ответил Ивар. — Теперь не натравит... А еще он мешал мне обшаривать его карманы в поисках рубина.

— Нашел?!

— Нет, птичка. Камешка у него уже не было, вот досада... Впрочем, это даже немного хорошо. Пусть думают, что убили из-за него. Ну, а пока там поножовщина, до тебя нет никому дела! — лицо Ивара помрачнело и даже потемнело от гнева. — Ай-ай, все равно это дурно. Теперь точно не скрыть, что объявился новый Златовед! Но, видит ад, я сделал все, что мог.

Я похолодела от тяжести этих слов.

— Может, рубин потерялся? — предположила я робко.

— Такие вещи не теряются, — ответил Ивар. — Не удивлюсь, если его уже осматривает оградчик. — Ай, ай, плохо!

Он яростно дергал шнурки на моем корсаже, затягивая их.

Видимо, искусство одевать женщину ему тоже было подвластно...

— Ну, все, — Ивар крутанул меня, поворачивая к себе лицом. Тревожно оглядел, снова грубо потер мое лицо, оттирая остатки сажи. — Теперь ты похожа на человека, а не на побитую в рванине. Я спущу тебя на веревке вниз из окна. Потом все тряпки и твою корзину сожгу. Никто не поймет, куда ты делась. И заклинаю — беги! Беги и прячься! И постарайся, чтобы видели тебя как можно реже!

Он разодрал на полосы принесенные с собой тряпки, связал их, смастерив веревку.

Обвязал меня поперек туловища и весьма непочтительно выпихнул в окно.

Я повисла над брусчаткой, болтая ногами.

— Лети, птичка! — повторил Ивар и стал осторожно меня спускать.

Когда ноги мои коснулись уличных камней, я вывернулась из связанной Иваром петли, и он ловко втянул тряпичную верёвку в окно.

— Беги! — прошипел он страшно, и я припустила по улице, подальше от пугающего меня места.

Но обратно к Марте я не спешила.

Марта ждет меня со стапятидесятью монетами, а не с тридцатью. Я не могу обмануть ее ожиданий! Просто не могу обмануть!

Я слово дала, а это иногда поважнее жизни.

К тому же, нужно много чего купить. Провизии, много муки, масла и сахара. Мяса, молока. Повозку и мула, что все это отвезти.

Значит, мне прямая дорога сначала к казначею, а потом уж только в мое логово.

— Прости, Ивар. У меня нет возможности быть послушной девочкой! Ты ведь поможешь мне и тут одержать верх? — эти слова я предназначила ребенку, погладив свой живот.

Что-то мне говорило, что его магические способности мне здорово пригодятся.

Глава 19

Дом казначея мне указали охотно.
Хотя и потаращили на меня глаза.
Что за дело может быть у простой женщины к казначею?
Впечатление богатой я не производила.
Но мало ли. Может, за наследством пришла.
Дом казначея ничем не отличался от других богатых домов — снаружи.
Внутри же... ох, я вздрогнула, переступив его порог!
Я ощутила себя словно в клетке. И та давила, угнетала меня своим металлическим весом.
На дверях изнутри были решетки.
На окнах тоже были решетки.
Каменные стены были покрыты кованными металлическими деревьями. Но смысл был один: это тоже была решетка.
И если ты в нее попал, то уже не выбраться...
Такие вот мрачные мысли меня посетили, когда дверца этой клетки за мной захлопнулась.
Слуга, что впустил меня, молча указал на стул с высокой спинкой подле стола.
Я должна была присесть и ожидать, когда меня примут.
— Какое у вас дело к казначею? — грубовато осведомился слуга.
— Неотложное и срочное! — выпалила я.
— Казначей сам решает, какое дело у него неотложное, — буркнул слуга. — Он ждет важного посетителя. Поэтому вы можете надолго тут задержаться.
Я почувствовала непреодолимое желание тотчас же удрать, но двери за мной уже захлопнулись.
— Но я ждать не могу, — залепетала я. Сесть мне все-таки пришлось — ноги мои вдруг ослабли, задрожали колени. К горлу подкатил ком, и я сполна хлебнула чувство обреченности. Ах, Ивар, почему я не послушалась тебя?! — Я должна кормить бабушку! Она у меня совсем стара — и совсем одна! Если я не вернусь к завтрашнему дню...
— Я передам это казначею, — пробубнил слуга равнодушно и спокойно.
И двинул вверх по лестнице из серого грубого камня.
Я осталась сидеть, ни жива, ни мертва.
Ничего еще не произошло, но мне отчего-то было ужасно страшно.
О, если выпутаюсь из этой ситуации, буду намного благоразумнее!
Если, конечно, выживу и не задохнусь в этой клетке в ожидании...
Сколько мне сидеть? Час? Два? День?
Но, к моему удивлению, казначей появился слишком быстро.
Я даже не успела напугаться как следует.
На серой каменной лестнице послышались шаги, и я подскочила, прижав руки к груди, нащупывая под одеждой монету.
— Так-так, — раздался язвительный голос. — Значит, я не ошибся!
Передо мной, в мантии казначея, стоял незнакомец, у ручья отогнавший от меня своих слуг.
— Казначей! — невольно вырвалось у меня. — Вы не аристократ, вы казначей!
Он склонил черноволосую голову.
Он был... ну демонически хорош, притягателен и вместе с тем страшен.
Взгляд его черных глаз сводил с ума.
Завораживал.

Я тонула в нем, и даже страх отступал.

— Полагаю, никогда и не стану аристократом, — немного резко ответил он. — Я не из тех, кто бездумно старается завладеть титулом. У меня достаточно денег, но я и не подумаю его купить. Титул, знаете ли, накладывает определенные обязанности, выполнить которые порой очень трудно. А вы, стало быть, убежавшая от мужа герцогиня Ла Форс?

Это был почти оскорбительный намек на то, что я, как самая глупая девица на свете, повелась на богатство и положение в обществе.

Он видел во мне легкомысленную и алчную девицу, которая по глупости своей отдала себя аристократу, не задумываясь о последствиях.

А теперь расхлебывает последствия своего поступка.

Но... как он догадался?!

— Очень просто, — ответил он, угадав мои мысли. — Вы не похожи на крестьянку. Работа ваших рук не касалась. У вас чистая светлая кожа, ровные зубы. Вы не истощены, волосы ваши не спутаны и чисты. Вы слишком хорошенькая и чистая, чтоб быть внучкой этой старухи. К тому же, вы знаете цену монете, которую я вам дал, — он указал на мою грудь. — Там вы ее прячете? Я не был уверен в том, кто передо мной. Но если б вы были крестьянкой, как уверяли меня, вы б эту монету разменяли на базаре, как серебряную. Вы бы не узнали в ней платину.

— Вот черт...

— Так что я рад вас приветствовать, герцогиня, — казначей мне вежливо поклонился. Но весь его вид просто был пропитан ехидством.

Уважения в его поклонах не было ни на грош!

— Чем могу служить?

— Прекратите паясничать, — грубо велела я. — Вы же понимаете — мне нужно эту монету разменять. Сто пятьдесят серебряных — выдайте мне их. А вашу платину заберите обратно.

На красивом лице мужчины выписалось изумление.

— Что? Как? — произнес он. — Вы действительно хотите, чтобы я разменял?.. Пришли сюда из-за такой малости? За деньгами?

— А зачем же еще? В моем положении это целое состояние! — рявкнула я. — Не думаете же вы, что я ищу вашего общества, чтоб полюбоваться на вашу небесную красоту! Нет, все прозаичнее. Я просто хочу есть.

Казначей удивился.

Хотя губы его дрогнули в чуть заметной улыбке при моем замечании о его небесной красоте.

Черт, вот кто меня за язык тянул?!

Но я не могла не сказать этого.

Если б я не сделала этого, не выкрикнула о изумившей меня красоте этого мужчины, я бы просто лопнула.

— Что вас так удивляет? — резко спросила я. — Не думали, что герцогини едят? О, еще как лопают! И гораздо больше, чем вы думали!

— Нет, — мягко ответил казначей. — Этот факт мне известен. Я просто думал, что...

— Что?

—...Что вы набегаетесь и вернетесь к безутешному супругу, — ответил казначей, пытаясь разглядывать меня.

Я резко и грубо рассмеялась.

Голос был не мой, металлический, скрежещущий.

— К безутешному? — повторила я едко.

— Он организовал ваши поиски, — заметил казначей. — Ручей ниже по течению прочесали мелким гребнем. Когда он нашел ваше платье, он испустил крик, полный адской боли и отчаяния.

— Ему полезно время от времени так покричать, — злорадно ответила я.

— Вы жестоки, — укоризненно покачал головой казначей. — Он не оставляет надежды отыскать вас и назначил огромную награду за...

— Мою поимку? — ляпнула я.

Сердце мое ухнуло вниз.

Ну, конечно! Деньги... Он посулил деньги тому, кто меня поймает!

Вот зачем казначей катался вдоль ручья!

Тоже участвовал в поисках, и нашел!

Но хитрому казначею не хотелось меня хватать, везти куда-то.

А вдруг еще не та девица, возись с опознанием, и зря...

Он дал мне приманку, и я сама прибежала в его дом, тем самым себя обличив.

Вот это попадалово...

— Вы молодец, — процедила я презрительно. — Вы очень умны. И деньги свои отработали блестяще.

Я выпустила из рук монету.

Звонко цокнула ею о лакированную столешню.

— Давайте, посылайте своих горе-слуг моему муженьку. Он быстро примчится сюда, полный любви ко мне и денег — вам.

— Эти люди, что накинулись на вас у ручья, больше не служат у меня, — спокойно заметил казначей. — Они наказаны.

Как наказаны — он не сказал. Но что-то мне подсказывает, что мне лучше не знать, что с ними сделали.

— Но наверняка есть другие? Зачем делать вид, что вы этого не сделаете? — я присела на стул, выпрямила спину и дерзко глянула в его глаза. — Давайте же. Я подожду.

Черные глаза казначея вспыхнули гневом.

Улыбка исчезла с его лица.

— Я достаточно богат, — отрезал он мертвенно-спокойным голосом, — чтобы не чувствовать в поимке чужих жен. Меня не интересуют ваши семейные разборки.

— Однако, вы участвовали! — едко заметила я, намекая ему на встречу у ручья.

Лицо его нервно дрогнуло.

На высоких скулах проступил румянец.

Получалось, что я уличила его в чем-то постыдном. В том, о чем он сам предпочел бы умолчать, забыть.

И ни в коем случае не признаваться!

— Я не искал вас, — ответил казначей ровным голосом. Но я видела — он врет. — Мои дела, по которым я выезжаю иногда, вас не касаются.

— Сколько платиновых монет вы раздали, пока ездили по вашим делам? — не унималась я.

Да кто меня за язык тянет?!

Я делала неприличные намеки, но боже мой, как мне нравилось чувствовать его гнев и стыд!

До дрожи в руках!

Это чувство лилось в мое сердце как приятная прохладная вода с мятой в жаркий день!

Его черные глаза полыхнули пугающим огнем.

Я видела, я чувствовала — он взбешен, хоть лицо его оставалось спокойным.

Он вдруг порывисто ступил ко мне, так быстро, что я не успела встать.

Заглянул в мои глаза. И в его взгляде я увидела, что он ко мне чувствует: отвращение, презрение и какую-то гадливость.

Он считал, что я продалась Натану за деньги.

А когда он не исполнил очередной мой каприз, я сбежала.

Вот что думал обо мне казначей.

— Одну, — тихо и страшно произнес казначей, пожирая меня взглядом. — Я отдал только одну монету. Вам. Я сразу вас нашел, потому что вы не умеете прятаться.

Под его взглядом мне стало вдруг неуютно.

И даже страшно отчасти, да так, что вся моя резкая смелость с меня махом сползла. Как линяющая шкурка со змеи.

— Однако ж, герцог найти меня не может, — пробормотала я. — Значит, прячусь я неплохо.

— Это потому, — уже со злостью ответил казначей, — что он подспудно считает вас мертвой и ищет внизу по течению. А я искал выше. Потому что думал, что вы живы.

— Ну, так зовите, обрадуйте его, — одними губами шепнула я.

Красивое лицо казначея исказила брезгливая гримаса.

— Такая красивая, светлая женщина, и такая пустая, — с горечью произнес он. — Все мысли и все разговоры только о деньгах... Держите ваше серебро!

Он кинул на стол тяжело брякнувший кошель.

— Можете не пересчитывать, там ровно сто пятьдесят, — произнес он, отворачивая от меня лицо так, будто смотреть на меня ему было невыносимо противно. — Все-таки, я казначей. Считать умею.

— Премного благодарна! — язвительно ответила я, пряча кошелек поглубже за пазуху. — Прощайте, господин казначей, с вами очень приятно иметь дело!

— Чего не скажешь о вас, — буркнул он.

Я бодро подскочила на ноги и уже сделала к дверям несколько шагов, как вдруг грубый стук и грохот раздались с улицы.

— Именем короля, откройте! — провопили за дверью. — Мы ищем опасную воровку!

Казначей резко обернулся ко мне.

— Что вы еще натворили?! — прошипел он.

— Почему я?! — озлилась я. — Если б я что-то украла, зачем бы я к вам притащилась?!

Казначей мне не ответил.

Он пребольно ухватил меня за руку и втолкнул в какой-то темный альков.

Затем прошел к дверям, опустил решетку и только после этого отпер двери стучавшим.

На пороге появились несколько солдат в шлемах и латах — видимо, из городской охраны.

— Господин казначей, — они, однако, ему кланяться не стали. — Не приходила ли к вам молодая странная посетительница?

— Станный вопрос о странной посетительнице, — заметил казначей. — Что в вашем понимании странная? Отчего бы ей именно ко мне прийти? Вы меня подозреваете в неподобающих связях?

Солдаты переглянулись.

— Господин казначей, — уже тише ответил один из них. — Замарашка молоденькая... у нее могут быть рубины. Она могла вам их предложить купить. Мы вас не подозреваем, но проверяем все дома, куда она могла постучаться.

Казначей даже дышать перестал.

— Рубины? — в изумлении произнес он. — Она украла рубины?! Безмозглое жадное существо!

Разумеется, это он мне адресовал.

И я чуть не выкрикнула из своего спасительного темного угла, что он сам такой!

Но тут солдат помотал головой.

— Не украла, а как будто бы добыла...

— Новые рубины?! — еще больше изумился казначей. — Не огранённые?!

Солдат кивнул.

— Вот и хотелось бы разузнать, где и по какому праву она их взяла. Но, вижу, ее тут не было.

— Да, — задумчиво произнес казначей, потирая лоб. — Рубины... Ничего себе!

— Драгоценный клад, господин казначей, — поддакнул солдат. — Ведь мы знаем: если объявился один камень, там будет и еще сотня-другая. Так что нужно этот камень найти и установить владельца. Не может же быть, чтоб замарашка имела на него права!

Я даже рот зажала чтоб не начать ругаться.

Не может?! Это кто такое сказал?!

Однако, было и еще кое-что.

Рубиновый клад.

Сотни две камней.

Да этот казначей меня сейчас уволочет в подвал и посадит на цепь, чтобы я эти рубины для него из земли добывала!

Ведь это не сотня золотых, или сколько там Натан за поимку меня обещал.

Это сотни тысяч золотых!

Глава 20

— К сожалению, — задумчиво произнес казначей, — я не видел этой замарашки. Иначе б...

Я даже думать не хотела, что иначе б было.

Не хочу даже краем сознания касаться тех мыслей, что родились в его голове, когда он узнал про камни!

— Простите, что пришлось вас потревожить, господин казначей, — солдат поклонился с уважением. — Если она у вас появится...

— Я знаю, к кому обратиться, — ответил он. — И знаю, как ее задержать.

Солдат еще раз поклонился.

Казначей неспешно закрыл дверь, да так тщательно, что я поняла — отпускать меня он не собирается! Еще и ключ спрятал в карман, о, черт...

Мужчина обернулся ко мне, и...

Встретился со мной взглядом.

А грудью едва не встретился с ножом.

Нож я нашла на столе. Какой-то кинжал, охотничий или военный.

Я держала его на вытянутой руке, целя казначею прямо в сердце.

И рука моя не дрожала.

Словно сам Ивар стоял за моей спиной, поддерживал под локоть и учил: «Увереннее. Спокойнее и смелее. Оружие в твоих руках, а значит, бояться надо ему, а не тебе!».

Но это был, конечно, не Ивар. Хотя я точно знала, кому принадлежит эта спокойная убийственная расчётливость.

М-да, эта семейка точно сделает из меня головореза.

Но в данный момент сопротивляться — это то, что нужно.

— Значит, знаете, как меня задержать? — уточнила я голосом на удивление спокойным. — Не соблаговолите ли отдать мне ключ? А то у вас тут становится ужасно душно. Хотелось бы глотнуть свежего воздуха.

Казначей с удивлением посмотрел на наставленный на него нож.

— А что я должен был сказать? — ответил он. — Я же как-то должен был их спровадить. Иначе как вас избавить от погони? И зачем вам ключ? Выходить сейчас рискованно. Они могут ожидать вас на улице.

— Почему-то я не верю в вашу доброту, — ответила я. — Ну-ка, отойдите-ка от двери и не мешайте мне покинуть ваш гостеприимный дом. Не то я угощу вас сталью.

— Это отговорка перед тем, как совершить злодеяние против того, кто дал вам защиту? — уточнил казначей, разглядывая нацеленное на него оружие. — М-да, это семейство практически сделало вас одной из них. Они могли бы гордиться вашей агрессивностью.

— Меня не интересует, чем они гордятся, — ответила я. — Я хочу лишь одного — свободы.

— А вот мне интересно, где вы камень взяли, — ответил казначей. — И я, будучи в своей должности, просто обязан это выяснить. Несмотря на оружие в ваших руках. Кстати, нож тупой. Им я рассекаю бумагу.

В любой другой день это сбilo бы меня с толку. Но не сегодня.

— Значит, вам больнее будет умирать, — спокойно ответила я. — Ключ!

Казначей вынул его из кармана и покачал им перед моим носом.

— Ключ в обмен на правду, — ответил он. — И даю вам слово, что выпущу вас. А вам не придется никого убивать. По крайней мере, сегодня.

— Можно ли верить вашему слову?

Казначей зацокал языком.

— Лжецов на моей должности не бывает. Итак, где вы взяли камень? Украли? Украли у мужа?

Я на миг прикрыла глаза, глубоко вздохнула.

Не знаю, на что я надеялась.

Не знаю, как я это сделала.

Это было как во сне, когда воображаешь, что можешь летать. Или исправить опасную ситуацию силой мысли.

Кажется, это называется вера.

Но когда я открыла глаза, я увидела то, что желала — крохотную алую искру у ног казначея.

Прямо в стыке каменных плит.

— А этот камень вы где взяли? — усмехнулась я. — Украли?

Он, не особо-то мне веря, глянул себе под ноги и ахнул.

— Еще один? Это вы уронили?

— Да? И тот тоже?

Еще один камень протиснулся меж камнями, ткнув казначея в подошву сапога так чувствительно, что тот подскочил.

— Вы что, — пробормотал он, — вы их призываете? Именно вы? Или...

Он вдруг откровенно глянул на мой живот.

— Вы носите наследника герцога! — выпалил казначей.

— Так вопрос с камнями решен? Я ответила, где взяла их, и доказала, что не воровала. Могу я получить ключ?

Казначей покачал головой.

— Но это безумие — бежать в таком состоянии! — заметил он, делая нерешительный[И-К1] шаг к дверям.

— Это мое дело, что делать в моем состоянии. У меня есть камни. Я не пропаду. И продавать их приду именно к вам. Кстати, не желаете приобрести парочку по сходной цене.

Казначей лишь покачал головой.

— Вам повезло, что ваша магия удалась тут. Но вы же знаете, что добычу камней придется узаконить? Вся земля принадлежит герцогу, и все, что в ней — тоже. Если герцог оскорблен вашим поступком, он вправе отнять у вас все, до последнего камешка. И тогда вы понесете суровое наказание!

— Узаконить добычу камней? Заявить права на землю? О, благодарю. Вот этот совет действительно дельный.

— Почему вы так безрассудны?! Вам нужно вернуться к мужу. Ваши... гхм... приключения могу навредить и вам, и ребенку. Позвольте вам помочь. Верно, у вас была причина... Может, вы оскорблены или... что-то еще произошло... Но, может, я отвезу вас домой? К мужу? Прямо сейчас?

— О, какое разочарование! — я покачала головой. — Мало того, что вы оказались лжецом, и ваше слово ничего не значит, так еще и убивать мне все-таки придется. Печально. А я ожидала, что мы обойдется без этого.

— Я всего лишь пытался дать вам добрый совет, — сухо ответил казначей.

— И заработать обещанное вознаграждение?

Это подействовало на мужчину, как оплеуха.

Его темные глаза, казалось, побледнели от гнева. Губы сжались в узкую полоску.

Я думала, он влепит мне оплеуху.

По крайней мере, рука его дернулась, но он сжал кулак, будто сдерживая самого себя.

Уже не опасаясь ножа в моих руках, он нагнулся, подобрал оба камня.

Шагнул ко мне, ухватил мою свободную руку и вложил их в ладонь.

— А теперь прочь из моего дома! — рявкнул он.

С грохотом провернул ключ в замке. Грубо ухватил меня за руку и вытолкал за порог.

Вместе с бесполезным ножом.

И с грохотом закрылся.

Глава 21

От дома казначея я бежала с всех ног, словно за мной гнались.
Мне казалось, что вот-вот меня схватят и вытрясут душу вместе с деньгами.
Пара камней, что отдал мне казначей, жгли руки.
Ведь если меня с ними прихватят, то мало мне не покажется.
Но обошлось.
Рубины я спрятала в кошелек, к серебру.
И убрала кошель за пазуху.
Рыскающие по городу солдаты искали замарашку с корзинкой, а я была вполне себе добропорядочной горожанкой.
Немного поплутав по улицам города, я снова вышла к рынку.
И сердце мое радостно забилося.
В кармане моем брякали медяки, которые я заработала, продавая травы и те деньги, что мне дали за камень.
Ближе к сердцу лежал увесистый кошелек с серебром.
И его принесу Марте весь, целиком!
Вот она обрадуется!
А еще я планировала принести Марте съестных припасов, и кое-чего из утвари и одежды.
И все это в руках не донесешь.
Во-первых, тяжело.
С тяжело груженой корзинкой я бы ковыляла до домика у ручья неделю.
Во-вторых, продукты могли б испортиться на летней жаре.
И молоко б скисло, и масло растаяло.
А в-третьих, меня все еще искали.
А значит, надо было бы замаскироваться.
У разных торговков купила я полотняных белых рубашек, подряд пять разных юбок из светлого нарядного льна, и одну синюю шерстяную.
Марте в самый раз будет. Она ведь вечно мерзнет.
У них же я прихватила и парочку теплых шалей, теплую кофту с длинными рукавами и высокий белый чепец. Полосатых чулок несколько пар взяла, да деревянных новеньких лакированных башмаков две пары. Старые-то совсем худые, того и гляди на ногах развалятся.
Да, было жарко.
Но я все равно все это на себя напялила.
Перевязалась шальями, покрепче прижав мешок с серебром к груди.
Все-таки, он был увесистый и оттягивал платье. Того и гляди вывалится.
А теперь я точно его не потеряю.
И из стройной девушки превратилась в бокастую дородную женщину.
Косы убрала под чепец.
Купленной свеклой нарисовала румянец на щеках.
У юркого мальчишки купила горсть лесных орехов и напихала за щеки.
Теперь меня б и родная мать не узнала.
В таком виде я почувствовала себя увереннее и поплыла по рынку спокойно, неспеша.
И первым же делом зашла в конные ряды.
Там присмотрела себе небольшую, но очень крепкую, добротную повозку, ладно сколоченную из хороших досок.
К ней купила и молодого упитанного осла, темно-серого, с белой звездой во лбу.
Продавец помог мне его впрячь в повозку, и я весело покатила по базару.

Пот градом катился у меня со лба.
Лицо мое с раздутыми орехами щеками было малиново-красным.
Я пыхла и сопела, как морж.
Но когда проезжала мимо городской охраны, на меня никто и внимания не обратил.
Это ужасно развеселило меня.
Я подстегнула вожжами осла и решительно направилась к торговым рядам.
Торговаться до хрипоты мне понравилось.
Это было частью игры.
И, даю слово, я б и подралась, если нужно!
Торговки, нахваливающие свой товар, масло, сыры и молоко, охотно давали пробовать свои продукты, если ты им показывала серебряную монету.
Я выбрала головку самого желтого, самого ароматного сыра, горшок масла, и бутыл с жирным молоком.
У мельника купила мешок белой муки, самой дорогой и самой тонкой. Да еще мешок овса — осла вечером кормить надо.
У булочника взяла готовый каравай, еще горячий, с хрустящей румяной коркой.
Не удержалась, оторвала горбушку от дымящегося белого ноздреватого мякиша, выплюнула орехи и жадно съела свежий хлеб, спеша и давясь.
За всеми этими переживаниями не заметила, как проголодалась...
Добрый угольщик отгрузил мне мешок угля.
Мясник продал мне пару свежих тушек кроликов, жирную молоденькую ошипанную курочку, завернутых в тонкий холст, и кольцо свежей свиной колбасы.
Еще шмат соленого с чесноком сала с тонкой шкуркой и копченый свежий сочный окорок взяла.
Мясо было розовым, сочащимся, солоноватым и мягким. А крепкая коричневая шкурка приятно пахла дымом.
В аптеке купила я частый гребешок из темного пахучего дерева да большой кусок мыла. Хорошенько помыться после всех моих приключений не помешает.
Да и расчесаться тоже!
Взяла и я разных круп в холщовых мешочках, соли, и даже немного сахара.
Небольшой бочонок доброго красного сладкого вина — в хозяйстве сгодится.
Да и Марте чуток нагретого вечером не повредит.
Купила лукошко яиц и немного свежих овощей с огородов.
И картофеля молодого, и капусты, и салата, и вязанку лука.
Пучок свечей и спички — чтоб было чем осветить дом.
Словом, всего, что было нужно в хозяйстве Марты.
Не забыла я и про постель.
Марта-то спала на тощем тюфяке, набитом соломой. А я и вовсе на досках.
Так что я заехала в лавку, прикупила светлого простого полотна, ниток, чтоб пошить новые тюфяки и набить их соломой.
В общем, из города я выезжала уморившись, правя тяжело груженой повозкой.
На все, про все я потратила три серебряных и несколько медяшек.
Да, купила я не все. Но в ближайшее время я думала снова приехать в город и пополнить наши запасы.
Трудолюбивый ослик стучал копытами по брусчатке, тянул тележку.
И никто на меня даже не взглянул, когда я проезжала через ворота.
Только усмехнулась.
Верно, солдаты ловили отчаянную особу! Дерзкую, с ловкими руками.
На что такие люди спускают свои деньги?

Уж точно не на мешок угля и не крупу.

Такие люди играют в карты, вино пьют без меры, да шупают чужие карманы.

Может, покупают себе какую-нибудь ненужную мелочь типа колец, сережек.

А не сена для осла.

Так что рачительную хозяйку вроде меня уж точно никто ни в чем дурном не заподозрил.

Хоть и на повозке, а дорога назад заняла так же много времени.

Потому что повозка была тяжело груженой, и осел устал.

Я спешила и вела его в поводу.

И домой, к домику у ручья, я прибыла уже глубоким вечером, когда темнело.

Нашла Марту по вою — оставшись одна, она с удовольствием предалась излюбленному занятию: реву.

— Ох, одна я, одна-а-а, — самозабвенно выла она где-то в темноте. — Пропала моя головушка!

— Да что ж ты будешь делать, — ругнулась я. — Это уже не плач от горя. Это плач из любви к искусству!

Услыхав скрип колес груженой тележки, Марта выть перестала и выскочила из домика.

В руке ее тускло горел старый закопченный фонарь.

Она близоруко щурилась, повыше поднимая свой чадающий светильник, разглядывая мою повозку и меня.

А потом гаркнула грубым голосом.

Как будто и не ревела только что!

— Ты кто такова будешь? Это моя земля! Кто тебе позволил тут кататься на твоём осле, толстуха? А ну, марш отсюда!

— Марта! — изумилась я. — Вот, значит, как ты гостей встречаешь! Неудивительно, что живешь одна. О гостеприимстве что-нибудь слышала?

Услышав мой голос, Марта только руками всплеснула:

— Это ты?! Неужели это ты?!

Оглядев осла, потрогав ладонью его бархатную морду, унюхав колбасу, чесночное сало и окорок, Марта так и разрыдалась, отирая мокрое лицо ладонью.

— Неужто все получилось?! Ты продала эту дорогую монету?!

Я только кивнула и стащила с головы чепец.

— Полный кошелек денег привезла. Ну, давай разгружать, что ли, пока совсем не стемнело?

Я стащила все обновки, с облегчением вздохнув.

Марта тут же натянула синюю теплую юбку и кофту, и осталась очень довольна.

Ужина она не дождалась, отрезала ломоть от каравая, отпластала кусок от копченого окорока и съела, чавкая сочной розовой свининой.

Я же тем временем распрягла ослика, определила его на ночлег под свисающей чуть не до земли крышей. Не навес, но от непогоды укроет, если что.

Осел получил свою порцию овса, немного сена и ведро воды. А мы принялись разгружать припасы.

Марта мигом обмела от пыли и паутины свой старый шкаф.

На его полках давно ничего не было.

А теперь там в ряд стояли мешки с крупами, сахар, соль, мука!

— Как в старые добрые времена! — бормотала Марта, любовно расставляя припасы по полкам. — Теперь голод мне не страшен!

Масло, молоко, сыр, яйца, тушки кроликов мы определили в холодный подпол.

От близости реки там было холодно до ужаса.

Как на леднике.

Все съестное мы перенесли быстро.
А вот с мешками пришлось повозиться.

Муку кое-как втащили в дом вдвоем.

Уголь ссыпали в ведро и перетаскали к печи.

И только после этого мы, довольные и уставшие, умыв разгоряченные от работы лица и руки, зажгли новые свечи.

В доме тотчас стало светло.

На печи тонко засвистел закипающий чайник.

Мы уселись к столу, и раскрасневшаяся Марта в обновках и в новом чепце плеснула из заветного крепкого бочонка доброго красного искрящегося винца, чтоб отметить удачное предприятие.

— Как славно, как славно! — радостно повторяла Марта. — Сейчас курицу зажарим с маслом на огне, с травами! А поутру похлебку с кроликами... Ах, как я наемся, господи!

— Вот деньги, сочти, — я пригубила вино и пододвинула Марте мешок-кошелек.

Та, уписывая хлеб с мясом, довольная, рассыпала монеты по столу.

Выкатились и рубины. И Марта вздрогнула, увидев их кроваво-красное сверкание в свете свечей.

— Что это? — прошептала она, осторожно касаясь рубинов пальцем. — Откуда это?

— Эту муку молол твой отец? — усмехнулась я, наблюдая за ее реакцией.

Глава 22

Марта некоторое время молчала, потрясенная.

Потом вздохнула тихонько.

Снова потрогала камешки пальцем.

— Не знаю, — ответила она наконец. — Я тогда не задумывалась, отчего старый герцог так щедр к нам. Я была юна, наивна, и считала, что весь мир добр.

— Он сам сюда приезжал? — спросила я.

— И сам, и детей привозил. Молодого герцога привозил. И второго сына тоже. И они долго путешествовали по ручью. Но, кажется, у них не очень получалось призвать камни. И скоро их поездки сошли на нет.

Я чуть не расхохоталась.

Это сколько ж лет Натану, если старая Марта была юна, когда он был ребенком?

А Ивару?

На вид не более тридцати пяти.

А на деле, верно, старше Марты?

Даже тут обман. Интересно, что они за существа такие на самом деле?..

— Так где ты взяла их? — обеспокоенно спросила Марта.

— Я их призвала, — ответила я. — Точнее, ребенок. Ты же понимаешь это.

Марта с удивлением посмотрела на меня.

— То есть, ты его попросила? — уточнила она. — И он послушался?

— Выходит, что так, — развела я руками.

Марта смотрела на меня с недоверием и с каплей изумления.

— Может, и верно ты сильнее герцогского чада, — пробормотала она. — Если уже сейчас он покорен тебе...

— Знаешь, что я придумала? — перебила ее я. Слушать ее страхи касательно нашего будущего я не хотела. — Если уж я теперь могу камни призывать, так не попробовывать ли нам их добывать и продавать? Тогда же мы горя знать не будем!

— Это как? — удивилась Марта.

— Мне сказали, что камни только в определенных местах можно добыть, — ответила я. — Вот на твоей земле можно. И у казначея дома почему-то получилось...

Я на миг задумалась. А действительно, почему?

— Где дарственная на землю, что дал вашей семье герцог? Если мы подтвердим твое право собственности у казначея...

В глазах Марты полыхнул ужас.

— Но ведь тогда герцог тебя найдет! — воскликнула она.

— Думаю, к тому времени он будет уже в цепких когтях его пассии, — недобро усмехнулась я. — И, вероятно, женат на ней. Так что он меня не тронет, чтобы избежать скандала с двоеженством. А мы с тобой купим такой дом, в котором будет и охрана, и крепкие двери, и высокие стены. И герцог не достанет!

— Ты уверена? — спросила Марта недоверчиво. — Может, оно и так. Земля моя; дар твой никто не сможет отнять. Но мужские руки все равно нужны будут. Помню, герцог долго по ручью рыскал, места какие-то искал. Потом приезжал, стогнал люд. И они долго возились в воде. Ты да я не сильные мужчины. Тебе беречь себя надо теперь, да и тяжести тебе лучше не таскать. А мне достаточно одного дня, проведенного в воде, чтоб я заболела и слегла.

— Значит, найдем работников, — уверенно сказала я.

— Вот за ними-то тоже нужен глаз да глаз! — сказала Марта уверенно. — Думаешь, работники упустят шанс набить камнями карманы и бежать? Нет уж. Ими управлять нужно.

Муж у меня был, сильный мужчина, злой. Он заправлял всем. Мешки пересчитывал... с мукой. Взвешивал. Хоть один станет легче — он работников гонял, плетью бил. Ох, тяжкое дело ты задумала, девочка!

— Ничего, — ответила я. — Придумаю что-нибудь. Главное сейчас бумагу найти.

Марте не хотелось этого делать.

Она боялась; поэтому вместо поисков все больше охала и ахала, перебирая старые тряпки, одежду, какие-то пустые шкатулки с брякающей на дне изломанной мелочью.

Однако, нашла.

— Вот она, грамота-то, — произнесла она, сдувая пыль с плотного свитка, перевязанного выцветшей золотой лентой. На ленте болталась алая сургучная печать, крошащаяся по краям. — Только будет ли толк от нее?

— Вот и узнаем, — весело ответила я. — Съездим к казначею. Но сначала приведет себя в порядок. Негоже таким двум богатым и важным дамам такими замарашками ходить! Ты где мылась?

Марты стыдливо отвела взгляд.

— Да я, — промямлила она, — иногда грела воды немного... и...

— Ясно, — ответила я. — Значит, завтра этим займемся.

— Ох, — простонала Марта. — Косточки мои старые, а ты шустрая, молодая. Сила так и кипит. Поташись меня в город, я и дух испущу!

— Не испустишь, — посмеиваясь, ответила я. — Забыла — осел теперь у нас есть. Он и повезет. Да и не завтра это будет, не переживай. Сначала сил наберешься, отъешься хоть немного.

Эх, если б все зависело от меня, я бы помчалась уже завтра.

Но...

Глянув на себя в осколок старого, мутного зеркала, я чуть не всплакнула.

От сегодняшних приключений, от целого дня, проведенного на солнце, я была красной, с растрепанными посеребрившими от пыли косами, в чужом, краденом платье...

Нет, негоже, чтоб казначей видел меня такой снова.

Только не он.

Его высокомерный взгляд я больше не выдержу!

Под ним я ощущала себя сопливой девчонкой, которую отчитывает зловредный учитель.

И возразить ему стыдно. И нельзя.

Но и ничтожеством в его глазах быть не хотелось.

Не хотелось, чтобы этот расфуфыренный надутый индюк уничтожал меня одним только взглядом.

Хоть плачь!

— Противный, высокомерный, надутый! — пыхтела я, ворочаясь на своей лежанке и никак не могла устроиться поудобнее.

Значит, нужно быть увереннее в себе, когда в следующий раз придется явиться к нему.

И явиться не с погоней на хвосте, а как приличная горожанка — по делу!

Марта с вечера так натрескалась всякой всячины, что уснула беспробудным сном чуть ли не до обеда следующего дня.

Она лежала, похрапывая, и тонко постанывала.

Наверное, во сне ей снилась ветчина.

Намаялась, наголодалась, намерзлась, бедняжка.

И я решила ее не будить.

Поднялась, повязала платок на голову, передник надела. Растопила печь, сыпанула привезенного угля, чтоб погнать утреннюю сырость.

И отправилась качественно улучшать нашу жизнь.
Осла напоила и вывела поpastись чуть подальше от дома.
Привязала его к дереву и оставила посреди высокой травы.
Усмехнулась еще, что купила средневековую газонокосилку.
Надеюсь, дорожку до ручья он расчистит нам быстро...
Затем я наносила воды в большую кадку.
Бани у Марты, конечно, не было.
Она мылась, и то изредка, в большом корыте, установленном под навесом.
Навес был старый, покосившийся.
С одной стороны эту импровизированную баню огораживала стена леса и вьющиеся растения, которые не скидывали с крыши годами.
Они и плелись дальше, карабкаясь по прошлогодним отмершим стеблям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.